

INSPIRIA

СТЫД

СОФИ
САРЕНБРАНТ

INSPIRIA

Ток. Софи Саренбрант: Шведский криминальный сериал

Софи Саренбрант

Стыд

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.113.6-312.44
ББК 84(4Шве)-44

Саренбрант С.

Стыд / С. Саренбрант — «Эксмо», 2019 — (Ток. Софи Саренбрант: Шведский криминальный сериал)

ISBN 978-5-04-166738-2

Так ли хорошо вы знаете своих близких?.. Девушка лежит на рельсах в Бромме и ждет приближающегося трамвая. На другом конце Швеции мужчина оказывается в глубокой могиле, вырытой в лесу. Никто не догадывается о приближающейся катастрофе. Спасет ли кто-то жизни этих людей? Они незнакомы, но оба хранят одну тайну, жизненно важный секрет.

Следователь Эмма Щельд, борющаяся со своими собственными демонами, должна найти связь, пока не стало слишком поздно. Головокружительный триллер и захватывающая драма о злободневных проблемах — психических заболеваниях и самоубийствах.

УДК 821.113.6-312.44

ББК 84(4Шве)-44

ISBN 978-5-04-166738-2

© Саренбрант С., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Понедельник, 14 октября	7
Вторник, 15 октября	35
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Софи Саренбрант

Стыд

*Посвящается моему кузену Бьярне.
Покойся с миром.*

*Я молча стоял вдали, прямо посреди толпы,
видел раны на твоей руке, твоей ноге, твоём теле.
И опустилась темнота – густая и безнадежная.
Я слышал, как по городу пронесся слух,
что гробница Господа пуста.
Но я видел, слышал и узнал из жизни,
что тайна смерти никогда не может быть раскрыта,
и никто не возвращает то, что берет могила.*

Псалом 473

(Сборник церковных гимнов шведской церкви)

Невозможно пошевелить руками. Она пытается разорвать зубами отвратительную тряпку во рту и вытолкнуть ее с помощью языка.

Безрезультатно.

Она не может позвать на помощь.

На нее наваливается усталость, но она прекрасно понимает, что не может сдаться. Петля на шее напоминает ей об этом каждую секунду. Пока табуретка, на которой она стоит, продолжает качиваться, она чувствует леденящий ужас в жилах. Еще чуть-чуть, и она упадет. Веревка задушит ее.

В доме очень сыро, а сквозь щели в стенах пробирается осенний холод. Слезы закончились, но она продолжает всхлипывать.

Она пытается понять, какие действия привели ее к этому моменту.

«Мама, – шепчет она. – Мама. Помоги».

Звук застревает в горле из-за тряпки во рту.

Может, у нее получится издать шум? Она бьет ногой по табуретке, но боится, что та развалится. Конструкция и так довольно шаткая.

Все как будто настроилось против нее.

Как ее вообще могут найти?

Она чувствует ответственность перед другими. Она должна выжить ради них, раз уж на то пошло.

Она еще никогда так не боялась заснуть. Стоит ей задремать, как она тут же упадет навзничь с петлей на шее. Тогда ее точно никто не спасет.

Усталость коварна, ей все тяжелее держать глаза открытыми. Она понятия не имеет, сколько часов простояла вот так. Просто знает, что много.

Она не может упасть. У нее нет права.

Но ей просто необходимо прикрыть глаза. Хотя бы на краткий миг. Она зажимается и чувствует, как же прекрасно хоть немного отдохнуть. Тьма забвения притягательна.

Она не может сопротивляться.

Ей нужно всего пару секунд.

Мышцы расслабляются, а ноги теряют устойчивость. В следующую же секунду она просыпается от сильного давления на шею. Она задыхается. Произошло то, чего категорически нельзя было допускать.

Табурет перевернулся. Она повисла на веревке.

Понедельник, 14 октября

1

Он следует за мужчиной в сапогах, пробирающимся по тропинке в лесу. Земля уходит из-под ног, а в голове снуют мысли.

Как он сюда попал?

Деревья шуршат, ветер срывает с них разноцветные листья и бросает оземь. Кроваво-красные листья самые красивые, он всегда так считал. Осень очаровательна. Последние лучи дневного солнца проглядывают между ветками. Свет, льющийся с неба, озаряет путь, но печаль ложится на его плечи тяжелой тенью. Перед глазами проносятся картины из его жизни. У него есть все, о чем другие люди только мечтают.

Трое замечательных детей, красавица жена.

Фантастический дом в уважаемом районе города. Машина мечты с различными наворотами. Самая дорогая автоматическая моющая машинка. Две газонокосилки. Бассейн с системой автоматического хлорирования. У него есть определенная слабость по отношению к гаджетам – он любит дорогие часы и фотоаппараты. Технику. Спортивные автомобили. Вещи, на которые прежде, до его космического карьерного взлета, у него не было денег. Это та слабость, из-за которой его брат будет всегда насмехаться над ним. Язык, на котором говорит зависть, не всегда приятен, но он упорно боролся за свой успех.

Вся эта нервотрепка на работе, все поздние вечера, когда ему приходилось справляться с тонной сообщений с работы и одновременно с этим пытаться играть с детьми. Он всегда чувствовал, что делает недостаточно.

Он смотрит вниз, на свои идеальные белые туфли, которые немного испачкались во время прогулки. Было глупо с его стороны не надеть более подходящую обувь. Его одежда не подходит ни для леса, ни для такой промозглой погоды. Ни рубашка, ни пиджак, ни темно-голубые чиносы. Он бы не выжил в лесу и сутки.

Ужасающая мысль.

– Мы почти на месте, – слышит он голос мужчины спереди и пробуждается от полудремы.

Он видит последний отблеск солнца, и мир погружается в сумерки.

Над лесом расплывается тьма.

Сотни лет похороненных тайн.

Где-то вдалеке раздаются раскаты грома, в кустах слышится шорох маленьких убегающих лапок. По стволу дерева карабкается белка, и он очарован красотой ее непропорционально крупного пушистого хвоста.

Мужчина указывает на поляну:

– Там.

Остается всего пара метров.

Он не чувствует ни облегчения, ни беспокойства. Будь что будет. Неестественное спокойствие разливается по телу, и он чувствует, что голова будто окутана ватой. Окружающая его действительность все больше теряет свои очертания.

Мужчина в сапогах останавливается. Затем он наклоняется и разгребает листья, без промедления хватая что-то, похожее на крышку железного люка.

– Хватайся с другой стороны, – говорит он. – Люк слишком тяжелый для одного человека.

Они приподнимают крышку, и он видит, что под ней располагается яма, достаточно большая для одного человека.

– Добро пожаловать.

Неожиданно он понимает, что не уверен, хочет ли делать это.

Но пути назад нет.

2

Следователь Эмма Щельд бредет по парку перед отделением полиции района Кунгсхольмен в Стокгольме. Собака играет в ворохе листьев цвета горчицы. Осень – любимое время года Эммы, особенно в такое солнечное утро, когда вся улица буквально взрывается красками. Через пару минут она будет на работе, по которой так скучала. Сейчас самое время выйти из декретного отпуска. Она не любит отсутствовать на работе подолгу, хотя второй декрет вышел намного более приятным и уютным, чем первый.

Она как раз собирается повернуть налево перед входом в отделение полиции, когда видит фигуру под раскидистым дубом. Человек неотрывно наблюдает за ней. Эмма переводит дух и сбавляет шаг. Эта женщина напоминает кого-то. Тем не менее она не узнает ее, пока не подходит ближе.

Бывший инспектор полиции Мадлен.

Маленькое облачко на небе скрывает за собой солнце на мгновение, и тени на лице бледнеют. Мадлен выглядит иначе, чем когда Эмма видела ее в последний раз. Волосы все еще цвета воронова крыла, но щеки заметно округлились, а одета она более небрежно. Если не знать ее, можно подумать, будто она простой обыватель. Мадлен быстро приближается к ней и подходит вплотную.

– Привет, Эмма. Мы можем перекинуться парой слов?

Эмма колеблется. Это ее первый рабочий день, и она должна прийти вовремя. Но прежде всего у нее нет никакого желания разговаривать с женщиной, которая пыталась избавиться от нее. Которая пыталась ее убить. Откуда она вообще узнала, что Эмма будет проходить здесь именно сегодня? Очевидно, что это не просто совпадение. Эмма осторожно оглядывается по сторонам, но поблизости никого нет. Она не хочет оставаться наедине с Мадлен.

– Мне нечего тебе сказать, – отвечает Эмма и разворачивается, чтобы уйти.

Мадлен резко хватается за плечо.

– Постой!

– Отпусти меня, – Эмма высвобождает руку. – Мы стоим прямо перед отделением полиции. Как ты смеешь?

Мадлен поднимает руки вверх, как будто ее задерживают.

– Зачем ты пришла сюда? – спрашивает Эмма, когда осознает, что женщина напротив нее выглядит скорее печально, чем враждебно.

– За прощением, – говорит Мадлен.

Эмма не совсем понимает, о чем идет речь. Имеет ли она в виду письма с угрозами, отправленные Мадлен Нюллету, которые потом были направлены Эмме и в конце концов попали в рюкзак к Инес?

Я всегда буду находить тебя.

Эмма уверена, что за всем этим стояла Мадлен, потому что Нюллет узнал ее почерк. Или она просит прощения за преследование? Это не имеет никакого значения. Эмма не хочет иметь ничего общего с этой женщиной.

– Любовь заставляет человека делать странные вещи, – мягко говорит Мадлен. – Тебе повезло, что у тебя есть Томас.

Эмма кивает. Это так формально – называть его Томасом. Все знают его как Нюллета, даже Мадлен. Означает ли это, что Мадлен наконец «переболела» им? Безответная любовь Мадлен к Томасу явно вышла из берегов настолько, что это затронуло даже Эмму. Она оцени-

вающе посмотрела на женщину перед собой. Похоже, есть только один способ избавиться от нее навсегда. Сказать все как есть.

– *Был*, – говорит Эмма. – Мы больше не вместе.

Потом она отворачивается и уходит. Теперь Эмма не позволит, чтобы ей помешали. Краем глаза она видит, как тени от ветвей деревьев падают на место, где стоит Мадлен. Слава богу, она не последовала за Эммой, но, несмотря на увеличивающееся между ними расстояние, неприятное чувство не покидает ее.

Зачем она сказала Мадлен, что между ними все кончено?

Мадлен не имеет к этому никакого отношения. Эмма доходит до лестницы и проскальзывает через парадную дверь. Должно быть, девушка-охранник новенькая, потому что она никогда не видела ее раньше. Она смотрит на Эмму как на постороннюю, несмотря на то что это место стало для нее вторым домом. И даже когда Эмма предъявляет удостоверение, подозрительность не исчезает с лица девушки. Перед турникетом на входе Эмма уже пытается больше не думать о Мадлен и отложить мысли о ней на дальнюю полку в своей голове. Она надеется, что это была их последняя встреча. У нее не осталось больше причин преследовать Эмму.

Теперь, когда она знает, что Нюллет свободен.

Эмма смотрит на свое ненакрашенное лицо в зеркале лифта: зелено-карие глаза обрамлены светлыми волосами, ниспадающими до плеч. Она задается вопросом: подарок это или проклятие быть красивой? Большой недостаток такой внешности заключается в том, что все сразу обращают внимание на ее лицо, как будто это единственное, что она может предложить.

Но иногда это преимущество – быть настолько недооцененной.

Когда створки лифта распахиваются на шестом этаже, Эмма уже готова к тяжелому рабочему дню. Но сначала она выпьет чашечку кофе. Интерьер ее рабочего места ассоциируется с расследованиями убийств и сверхурочными часами на работе. Аромат кофе пропитал эти стены. Да, здесь всегда приятно пахнет, кроме той недели, когда у них сломался слив и всю неделю воняло канализацией, но об этом ей почти удалось забыть. Эмма идет в комнату для фики¹. В региональном следственном отделе Стокгольма все по-прежнему, но в то же время – совершенно по-другому. Когда она ушла в декрет в марте, она была мамой только одного ребенка.

Теперь она мама двоих.

Эмма Щельд наливает кофе в чашку, когда в комнату заходит ее шеф Ларс Линдберг. Они обнимаются и садятся за кофейный столик.

– Добро пожаловать домой, – говорит он. – После того как выпьешь кофе, я тебе кое-что расскажу.

На Линдберге все тот же коричневый пиджак, что и всегда, но есть что-то в его внешности, чего Эмма не узнаёт. Он начал стареть?

Она улыбается и пробует кофе.

– Новый поставщик?

– Да нет, все та же прогорклая гадость, – смеется Линдберг и поправляет воротник рубашки. – Что, горчит?

– Нет, просто немного другой вкус, – говорит Эмма. Она скучала по местному кофе, но уже и забыла, насколько он отвратительный. – Как у вас дела?

– Грех жаловаться, – отвечает он. – Но как Нюллет будет сидеть один дома?

– Посмотрим, но, надеюсь, все будет хорошо.

За оживленным разговором следует тишина. Эмма не любит пустую болтовню, ей хочется как можно быстрее перейти к разговору по существу. Подушка стула, на котором она сидела уже тысячу раз, казалась теперь намного жестче.

¹ Fika (шв.) – короткий перерыв на перекус с кофе и выпечкой. (Прим. перев.)

– С чем мне теперь придется работать? – спрашивает она.

– Исчезновение Петера Линда, – говорит Линдберг. – Я только что получил информацию о том, что его тело нашли в лесу в Даларне². Его быстро опознали, потому что его лицо знакомо каждому.

Популярный ведущий утренней программы новостей. Уважаемый и любимый всем шведским народом. Приятный. Успешный. Очаровательный. Компетентный. Мечта каждой тещи.

– Все указывает на то, что его убили.

3

Должно быть, он сделал что-то хорошее в жизни, если в конце концов ему дали возможность пережить безусловную любовь. Это стоило многих лет ожидания. Томас «Нюллет» Нюлен никогда не чувствовал ничего подобного и был готов на что угодно ради нее.

Даже на убийство.

Она смотрит на него во время прогулки вдоль причала.

Он улыбается в ответ, но ничего не говорит. Слова здесь не нужны.

Они подходят к Музею фотографии. Здесь они планируют пообедать и посмотреть на экспозиции. Насладиться жизнью. Никакой спешки и беготни. Никаких убийств, которые нужно расследовать. Его бабушка всегда говорила, что, когда закрывается дверь, открывается окно. Так и есть, думает он, когда они приближаются к дверям музея.

В одном Нюллет уверен: он не будет скучать по полиции. Может, по коллегам, но не по самой работе. В прошлом году ему порядком надоел этот следственный отдел. Несмотря на то что в этой работе есть смысл, ему всегда было сложно абстрагироваться от трагизма человеческих судеб. Ему никогда не удавалось отложить работу в сторону, когда он приходил домой. Забыть о болезненной встрече с родителями, чьи дети были убиты. Многие коллеги говорили ему, что через некоторое время чувства притупляются, но для него все эти переживания были слишком яркими и живыми. С годами стало сложнее радоваться происходящему в собственной жизни, когда жертвы преступлений переживают свои худшие кошмары.

Эмме больше подходит эта работа.

Он не имеет в виду, что она хладнокровна, просто она всегда меньше эмоционально погружалась в эти истории. У нее есть способность морально отдаляться, по крайней мере когда дело оказывается раскрытым. У такой способности, конечно, есть своя цена. Она может забыть о дне рождения своей сестры, забыть обо всем, что кажется важным для других. Это ее особенность, но она знает о ней. Другой вопрос, кто будет готов мириться с такой особенностью.

«Я», – мрачно думает Нюллет.

– Вам помочь? – спрашивает женщина, спускающаяся по лестнице навстречу ему, и он благодарно кивает ей. Она приподнимает детскую коляску с другой стороны и помогает ему подняться к стеклянным дверям.

– Спасибо, – говорит он и идет к кассе.

Элли начинает плакать, как только они заходят внутрь. Она чувствительна к перемене температуры, и больше всего при этом ей нравится находиться на свежем воздухе. Его сердце обливается кровью – он должен немедленно взять ее на руки! Он терзается, когда Элли грустит, и она уже научилась этим пользоваться, хотя ей всего полгода.

– Иди к папе, – говорит он, и, как и всегда, ему очень волнительно называть себя папой.

² Даларна – историческая область в центре Швеции. (Прим. ред.)

Он расстегивает дутый комбинезон Элли и снимает с нее шапочку, чтобы ей не было жарко.

В день, когда Эмма сказала ему, что ждет от него ребенка, все изменилось. Мир сразу наполнился красками, и Нюллет в любой момент мог пустить слезу. Но вместе с тем все вокруг стало казаться ему очень опасным. Он видел угрозу повсюду и все время боялся, что что-то случится с Эммой или с их малышкой. Его беспокойство усилилось, когда родилась Элли, и теперь оно продолжает расти с каждым днем.

Нюллет начал принимать тот факт, что теперь ему придется жить с этим чувством.

Когда он сказал парочку утешительных слов и совершенно беззастенчиво пропел детскую песенку, плач прекратился. Наверное, Элли просто голодна.

– Я скоро покормлю тебя, – говорит он ей и видит, как женщина за кассой улыбается и смотрит на них сияющим взглядом.

Телефон пищит, и ему удается выудить его из кармана. Вероятно, это Эмма. Беспокоится, как у них дела. Он пообещал держать ее в курсе, но решил не надоедать горой СМС и фотографий с их прогулки.

Сообщение с неизвестного номера.

Поздоровайся со своей дочерью.

Нюллет ничего не понимает, когда видит фотографию ребенка примерно того же возраста, что и Элли. «Должно быть, ошиблись номером», – думает он.

Тем не менее какое-то неприятное чувство не покидает его. Что, если сообщение действительно адресовано ему? У него сосет под ложечкой. Неожиданно Нюллет понимает, от кого может быть это сообщение. Не то чтобы он спал с сотнями женщин за последние несколько лет.

Всего лишь с одной девушкой, помимо Эммы, если быть точным.

Он думал, что уже разобрался с ней.

4

Еле ощутимые ароматы цветочного парфюма и чистящего средства встречают Эмму, когда она переступает через порог. Ее кабинет кажется меньше и обшарпаннее, чем в марте. Эмма сразу замечает, что кто-то другой уже обжил его, не только по запаху. Ее вещи разложены по коробкам, а кабинет выглядит голым и слишком вычищенным. Она вешает куртку на крючок, садится на стул и регулирует его высоту.

Петер Линд из «Утренних новостей».

Она включает компьютер и начинает читать новости о его исчезновении. СМИ еще не успели получить новую информацию, но это лишь вопрос времени, когда они узнают о том, что он был найден мертвым.

Все указывает на то, что он был убит.

Она разглядывает его лицо на фотографии.

Добрые глаза каштанового цвета, заразительная улыбка и русые непослушные волосы. Двадцать девять лет. Вся жизнь была впереди. Эмме сложно представить, что у него могли быть враги, но, конечно, все всегда не то, чем кажется.

Тело Петера нашли в Даларне, но полиция в Бурленге подозревает, что место преступления не совпадает с местом обнаружения. Поскольку Петер был зарегистрирован в Стокгольме, несколько допросов точно состоятся здесь, кроме того, он известная публичная личность, и общественный интерес к делу будет крайне велик.

СМИ будут жадно следить за всеми этапами расследования.

Глава следственного отдела Бурленге попросил Стокгольм о помощи, именно поэтому Эмма становится частью этого расследования. Проблема состоит в том, что у следственного отдела Стокгольма серьезный недостаток ресурсов, поскольку в наше время людей подстреки-

вают то тут, то там каждый день. Но это те дела, расследования которых она будет рада пропустить. Расследования бандитских перестрелок все равно что попытки распутать клубок пряжи: чем старательнее вы его развязываете, тем больше запутываются нитки.

Сейчас, когда она наконец вернулась на работу, по которой так скучала, ее терзают сомнения. Должна ли она сидеть здесь и расследовать убийство, когда сама только что произвела на свет маленькую девочку, которая очень нуждается в своей маме? Не говоря уже об Инес, которая стала писаться по ночам и не может разборчиво говорить. Все это для того, чтобы получать то же внимание, что и ее младшая сестренка. Она стала думать о собственной старшей сестре Юсефин. Осталась ли та прежней, когда родилась Эмма?

Линдберг заглядывает в ее кабинет.

– Поговорил только что с одним чертом из Даларны. Теперь мне известно немного больше.

– Заходи, – говорит Эмма, смеясь. – С каким чертом?

– Я довольно хорошо знаю главу следственного отдела Вестберга в Бурленге. Он неплохой парень, хотя и называет меня крысенышем.

Только сейчас Эмма видит, что за Линдбергом в дверном проеме стоит еще один человек.

– Со мной пришел Крилле, – говорит Линдберг. – Вам двоим придется работать вместе.

– Привет, – говорит Крилле с улыбкой.

Коллега, который моложе ее на шестнадцать лет. С карими глазами и натренированным телом. Крилле, должно быть, качается в зале каждую свободную секунду. Несложно представить его в жиме лежа с пунцовым лицом. Вопрос заключается в том, насколько он хорош в роли полицейского. Эмме совсем не хочется учить уму-разуму зеленого слюнтяя. Ей хватает двоих детей дома.

– Тело в лесу нашел человек, выгуливавший собаку, – продолжал Линдберг. – Петер лежал в небольшом углублении в земле, его тело было прикрыто листьями и ветками. Вскрытие еще не произвели, так что причина смерти пока не ясна, но у него вся шея покрыта пятнами, что указывает на удушение.

Крилле и Эмма переглядываются.

– Поезжайте к его девушке. Сообщите ей печальную новость.

5

«FUCK SCHOOL 4-EVER», – читает Юлия на двери туалета. Она не обращает внимания на постукивания снаружи. Нападки начались больше года назад. Подколы и мерзкие подписи к фотографиям в Инстаграме и Снэпчате.

Спасибо вам за то, что не подвели меня, когда я больше всего в вас нуждалась. Вы знаете, о ком я.

Отметили трех девчонок, но не Юлию.

Ее бывшей лучшей подруге Лив нравится втыкать нож ей в спину. Тогда, в шестом классе, у Лив был тяжелый период – ее родители развелись. Она начала пить пиво, курить и зависать с крутыми ребятами из школы. Лив всегда нужно было самоутвердиться, возможно, потому, что она самая низкая в классе. Юлия перестала общаться с ней, говорила, что ей нужно делать домашнее задание, а потом идти на тренировку. Все, чтобы больше не приходилось проводить время с Лив. Когда родители спросили, почему они больше не дружат, Юлия соврала.

Она не хотела сдавать Лив.

Но когда однажды вечером она столкнулась с Лив на улице, а та была так пьяна, что не могла ровно стоять, а потом ее еще и стошнило на собственные светло-рыжие волосы, Юлия поняла, что это предел. Тогда Юлия рассказала обо всем своим родителям. Ради Лив. Юлия переживала, что для Лив все могло закончиться плохо, потому что она проводила так много

времени со взрослыми ребятами. На следующий день Лив не пришла в школу. У нее дома разразился скандал, и Лив, должно быть, догадалась, кто ее сдал. Юлия сохранила последнее сообщение от Лив, которое получила год назад.

Эта эсэмэска была полна такой дикой ненависти, что, когда Юлия думала о ней, становилось больно:

Тебе должно быть стыдно. Ты разрушила мою жизнь, и теперь я тебя ненавижу. За что, Юлия? Неужели ты настолько завистливая, что должна была подставлять меня? Я рада, что ты переезжаешь. Надеюсь, мы никогда больше не встретимся. Никто здесь не будет по тебе скучать. Уж об этом я позабочусь.

Затем они переехали, и все контакты с Лив оборвались.

Стук по двери туалета учащается. «Мы знаем, что ты здесь!»

Через некоторое время они устанут и уйдут. Если уроки не начнутся раньше.

Юлия знает, что сделала все правильно, когда рассказала о том, чем занимается Лив, но она все равно чувствовала себя жутко одиноко и пусто внутри, когда они переехали в Пальму³. Слухи и сплетни распространились быстро, и она совсем не могла от них отбиваться. Лив действительно умеет убеждать других.

Когда Юлия приехала домой на лето, никто не хотел гулять с ней. Никто по ней не скучал.

Все стало намного хуже, когда началась учеба и Юлии достался нижний шкафчик. Тяжело быть высокой и каждый раз нагибаться, чтобы достать что-то оттуда. Уже в первый день первой четверти ее пнули. Она была совершенно не готова к этому и потеряла равновесие, но успела опереться одной рукой о пол. Только подбородком ударилась об дверь. Ранка уже успела зажить. Когда она обернулась, мимо пронеслась целая компания. Среди них была Лив.

Юлия была уверена в том, что именно Лив пнула ее.

Никто, кроме Лив, так не злится на нее.

Тессан – новая лучшая подружка Лив. Юлии тяжело это принять. Лив болтала столько дряни о тощей блондинке в очках, а теперь они неразлейвода?

Прошло всего несколько дней в школе, а у Юлии уже начали болеть голова и живот. Учителя и родители сердились, когда она жаловалась, и говорили держать язык за зубами. Не ныть все время. Конечно, они спрашивали, что случилось, но ей было стыдно признаться в том, что над ней издевались. Она бы никогда в жизни не призналась родителям. Они бы не поняли. Она сделала попытку поговорить об этом с учительницей, но та отреагировала не так, как Юлия рассчитывала. Женщина вздохнула и сказала Юлии, что она так устала от глупых девчачьих интриг.

– Случилось ли еще что-нибудь? – спросила она без особого интереса.

Нет.

Юлия смотрит на экран телефона. Она уже опоздала на математику. В коридоре стоит тишина. Она осторожно открывает дверь уборной и выскальзывает в коридор. Идет к классу. Она сразу же замечает довольное лицо Лив. Учитель поднимает голову от журнала и раздраженно смотрит на нее.

– Юлия, ты безнадежна.

6

Крилле ведет машину к дому Петера Линда в Седермальме⁴. Эмма тяжело вздыхает из-за большого количества дорожных работ, создающих пробки в городе.

³ Пальма-де-Майорка – курортный город и столица испанского острова Майорка, расположенный в западной части Средиземного моря. (Прим. ред.)

⁴ Седермальм – один из районов Стокгольма в центральной части города, расположенный на одноименном острове. (Прим.

– Как там поживает моя любимая домохозяйка Нюлет? – спрашивает Крилле со смешинкой в голосе.

Эмма хохочет.

– Просто отлично, спасибо.

– Он ведь был моим начальником, – поясняет Крилле, выглядя комично покорным, как собака, поджавшая хвост. – И смотри-ка, что получилось.

– Ничего хорошего, – соглашается Эмма. – И теперь тебе придется таскаться со мной.

– Бог мой, да что я плохого сделал этому миру? – вздыхает он, не отрывая взгляда от дороги.

Эмма смотрит в окно.

– Мы расстались.

– О черт, мне очень жаль.

В воздухе повисает неловкая тишина, и Эмма понятия не имеет, что она должна сказать. Ведь именно она порвала с Нюлетом. Разумеется, он был бы не в восторге, если бы Эмма распространялась об этом. К счастью, Крилле больше не говорит на эту тему.

Эмма не может отрицать, что чувствует себя в его компании лучше, чем ожидала. Крилле обладает энергией, которая делает мир вокруг него ярче. Может, дело в его неиссякаемой бодрости. Или она ослеплена его внешностью? Эмма сразу же отбрасывает эту идею, потому что не может и не хочет интересоваться кем-либо на работе. Она уже совершала эту ошибку. Кроме того, у них огромная разница в возрасте. Ей сорок один, а ему двадцать пять. Она думает о том, какой он, наверное, юный и податливый.

– О чем думаешь? – спрашивает Крилле, и Эмма вздрагивает.

– Ни о чем, – молниеносно отвечает она, надеясь, что он не заметит ее смущение.

«Я эмоционально истощена», – сухо констатирует она про себя. Иначе я бы не думала об этом.

Соберись.

Они подъезжают к улице Мастера Микаэля и тормозят у ряда очаровательных домиков разных цветов. Эмма никогда не бывала на этой чудесной улочке.

– Какое волшебное место! – восхищенно восклицает она, указывая на водоем неподалеку. – С видом на Грена Лунд!⁵

– Ты можешь... – говорит Крилле и прочищает горло. – Можешь сообщить ей о его смерти? Мне будет слишком сложно это сделать.

– Да, это и правда сложно, – отвечает она. – С годами к этому не привыкаешь.

– Спасибо, это успокаивает, – отвечает он с мрачной ухмылкой.

Эмма делает глубокий вдох.

С минуты на минуту они встретятся с женщиной, которая на протяжении последних суток жила надеждой, что ее партнера все же найдут.

Сейчас она узнает, что произошло самое страшное.

Он не просто мертв. Его убили.

Эмма звонит в дверь, и ей открывает молодая женщина в костюме цвета морской волны, блузе с бантом и в туфлях на каблучке. Жемчужные серьги поблескивают на фоне длинных светлых волос. Она хороша собой, но выглядит измотанной – взгляд пустой, а под глазами мешки. Должно быть, она не спала несколько ночей. Эмма узнает Софию – девушку Петера, которую она видела в журнале на фотографии, где они с Петером были на премьерном показе. Отец Эммы, Эверт, все время читает журналы про звезд, иначе Эмма даже никогда бы не заглянула в такой. И София, и Петер просто сияли на этой фотографии.

ред.)

⁵ Тиволи Грена Лунд – популярный парк развлечений в центре Стокгольма. (Прим. ред.)

– По какому поводу вы пришли? – спрашивает София и окидывает их взглядом.

Ей хорошо известно, что люди ходят мимо дома Петера в надежде увидеть его, а журналисты снуют по всей округе с тех пор, как он исчез.

– Мы из следственного отдела, пришли по поводу вашего партнера, Петера Линда, – говорит Крилле, и они показывают свои удостоверения. – Мы можем пройти внутрь?

Лицо Софии становится мертвенно-бледным.

– Проходите.

Эмма слышит аромат лаванды и замечает маленькие горшочки на комодике в прихожей. Она разувается и видит, что в прихожей стоит только одна пара мужских ботинок – рядом с десятком пар женских туфелек на каблуках. Эмма не успевает задуматься об этом и следует за Софией в кухню, обставленную в деревенском стиле, с газовой плитой и марокканским кафельным полом в серо-голубых тонах.

– Мы только что сделали ремонт, – говорит София, и Эмма видит, как в свете светильника кружится строительная пыль.

Они устраиваются вокруг белого овального стола, и София прячет в ящик несколько свадебных каталогов. У Эммы появляется ком в горле. Новость о смерти сложно скрывать слишком долго.

– Говорите все, как есть, – шепчет София и выжидательно смотрит на Эмму.

– Петера нашли мертвым сегодня утром, – говорит Эмма.

– Мы сожалеем, – добавляет Крилле, затем отрывает кусочек бумажного полотенца из рулона на столе и дрожащей рукой протягивает Софии, когда та начинает плакать.

Она берет полотенце и вытирает влажные от слез щеки.

– Это не может быть правдой, – шепчет она.

Они позволяют ей свыкнуться с этой новостью. Они должны дать ей время. Это наименьшее, что они могут сделать. Эмма осторожно оглядывается по сторонам. Повсюду стерильная чистота – ни крошки хлеба, нигде не валяются гаджеты. Софии, конечно, ничего не оставалось, как нервно убираться в ожидании новостей.

Крилле прочищает горло спустя некоторое время.

– София, мы можем задать вам несколько вопросов?

Она выглядит сбитой с толку, когда поднимает взгляд, но сморкается в бумагу, которую ей дал Крилле, и кивает.

– Мы знаем, что вы уже говорили с нашими коллегами об исчезновении Петера, так что, возможно, вопросы будут повторяться, – объясняет Эмма. – Надеюсь, вы простите нас.

– Да, но я не знаю, на сколько меня хватит.

– Мы понимаем и сделаем все возможное, чтобы закончить побыстрее, – говорит Эмма. – Начнем с самого начала. Когда вы в последний раз видели Петера?

– В воскресенье утром, неделю назад, – говорит она. – После эфира он позвонил и сказал, что ужасно устал и ему нужно уехать и немного подумать.

– О чем подумать?

София смотрит на свадебные каталоги нечитаемым взглядом.

– Мне не следовало начинать это все. Это было так глупо, в разгар ремонта и всего такого...

– Вы должны были пожениться? – прерывает ее Эмма.

– Да, этим летом, – отвечает София. – Не нужно было насаждать на него с подготовкой к свадьбе. Он был сам не свой в последнее время. Это давило на него, но я ведь так хотела...

– Петер часто уезжал, чтобы побыть наедине с собой? – спрашивает Крилле.

София пожимает плечами.

– Иногда.

– Он уезжал на несколько дней?

– Обычно нет, – отвечает она. – Именно поэтому я забеспокоилась.

– Вы заявили о его исчезновении в четверг, только через четыре дня после того, как он уехал, – говорит Эмма. – Почему?

По лицу Софии снова покатились слезы.

– Я хотела показать, что уважаю его личное пространство и время, но потом позвонили с работы и спросили, где он. Он сказал редакции, что вернется в четверг, но так и не появился.

Значит, его не было уже несколько дней, прежде чем о нем забеспокоились.

– Вы знаете, где он был все это время?

София качает головой.

– Нет, он не сказал мне, куда поедет, и не отвечал на мои сообщения.

Петер решил уехать от своей девушки, не сказав о том, куда едет. Эмме предстояло задать непростой вопрос.

– У вас были проблемы в отношениях? Он поэтому уехал?

София продолжает плакать.

– Я любила его.

Эмма и Крилле смотрят друг на друга, и Эмма качает головой. Сейчас не самое подходящее время, чтобы говорить о том, была ли любовь Софии взаимна.

– Я больше не могу говорить с вами, – выдает она, снова сморкаясь.

Эмма не может не задаваться вопросом, почему София не интересуется, как умер Петер. Обычно это один из самых распространенных вопросов, которые возникают у людей, когда им сообщают о том, что кто-то умер.

– Мы не успели рассказать вам, как умер Петер, – говорит Эмма, пытаясь как можно мягче сообщить об этом.

Она пытается прочесть реакцию Софии, но не видит никаких изменений в ее лице.

– Его нашли в лесу, – продолжает Эмма. – Мы думаем, что его убили, поэтому начали расследование.

София сидит не шелохнувшись.

– Вы знаете, что он мог делать в Даларне? – спрашивает Крилле.

– В Даларне? – София качает головой. – Нет, я ничего не понимаю. Он никогда не говорил о Даларне.

– Но сейчас, когда вы знаете, что его убили, у вас возникают мысли о том, кто это мог сделать? У него были враги?

София выглядит уставшей.

– Я не знаю.

– Ничего не случилось накануне? – спрашивает Крилле.

– Может быть, на работе? – предполагает Эмма.

Взгляд Софии становится стеклянным.

– На работе?

– Да, думаю, Петер постоянно знакомился с новыми людьми на работе в «Утренних новостях».

– Лотерейщик, – выпаливает София.

– Кто-кто? – спрашивает Крилле.

– Он преследовал Петера.

7

Невозможно найти удобное положение в тесной могиле. Под одежду пробирается влага, а вокруг ползают земляные черви и мокрицы. Магнус должен попытаться встать и выбраться отсюда, потому что все это напоминает какое-то кошмарное безумие. Но он сам решил на

это. Он складывает руки на животе и закрывает глаза. Техника медитации, по которой нужно позволять мыслям приходить и уходить, звучит так смехотворно просто. Но в голове все смешивается и крутится, как в барабане сушилки. Магнус не может разложить мысли по полочкам, выделить главное и второстепенное. Он искренне надеется, что этот опыт хоть что-то ему даст.

И, возможно, ему удастся наконец простить себя.

Как только ему удалось достичь самой высокой вершины в жизни и больше не за что было бороться, что-то произошло. Свет внутри его угас. Он больше не слышал ударов своего сердца.

Магнус думал, что тренировки вернут ему силы и приведут голову в порядок.

Он начал заниматься два раза в неделю, но постепенно тренировки заменили все его прежние дела. Все или ничего. Спорт стал для него наркотиком. Или попыткой убежать. Ранние подъемы, тренировки даже на выходных. Силовые тренировки в зале, бег и велосипед. Все это занимало кучу времени и требовало огромной концентрации, но вместе с тем помогало ему как можно меньше времени проводить дома.

Чем меньше он был дома, тем бледнее становилась Викан.

Она никогда не жаловалась, даже несмотря на то, что он отдалился от нее. Что она должна была сказать? В конце концов, именно он обеспечивал семью.

Четкое разделение обязанностей, которое никому из них не приходило в голову ставить под вопрос.

Даже в тот раз, когда Викан сбила машина и ее беспокоили боли в голове и шее, он ушел из дома утром, чтобы проехать на велосипеде пять миль. Оставил ее одну с тремя детьми, один из которых был сильно простужен и лежал с температурой тридцать девять градусов.

Кто так делает? Только конченный идиот.

Он чувствует облегчение, когда признается себе, как по-свински себя вел. Тогда все кажется таким простым. Понимание приходит к нему с той же скоростью, с какой грязь въедается в брюки, рубашку и непозволительно дорогой пиджак. Он уже потерял надежду на прощение. Слишком много всего произошло, он натворил столько глупостей.

Непростительных вещей.

Магнус стал спать на работе, потому что так было проще всего. Было слишком душераздирающе – сидеть дома и видеть, как семье его не хватает. Они хотели большего, чем он мог им дать. Дети требовали его внимания еще сильнее, когда он попытался постепенно исчезнуть из их жизни. Это раздражало его, и ему требовалось убежище в доме, в те несколько часов в день, что он бывал там. В сауне он мог запереться и остаться наедине с собой.

Возможно, ему не стоило становиться отцом?

Магнусу страшно столкнуться с этой мыслью.

Любит ли он своих детей? Веру, Симона и Лисен.

Да, больше всего на свете.

Но им будет лучше без него.

8

Эмма надеялась, что в первый день сможет уйти с работы в обычное время, но вместо этого ей приходится позвонить маме и попросить ее забрать Инес из детского сада. Теперь, когда Эмма напала на след, она не может вернуться домой. Наконец она связывается со службой безопасности телеканала TV4 и объясняет, кто она и почему звонит.

Женщина из службы перезванивает ей из соображений безопасности.

– Здравствуйте.

– Поступали ли угрозы в адрес Петера Линда в «Утренних новостях»? – спрашивает Эмма.

Женщина на другом конце провода вздыхает.

– К сожалению, для некоторых ведущих угрозы и нападки – часть повседневной жизни, но Петер нравился большинству людей.

– Но ему тоже угрожали, не так ли?

– Да, точно, – отвечает женщина. – У нас были проблемы с мужчиной, который преследовал Петера некоторое время.

Черная гелевая ручка перестает писать, и Эмма тянется через стол за новой.

– Рассказывайте.

– Это произошло в субботу, двадцать восьмого сентября, когда в «Утренних новостях» один телезритель играл в лотерею в прямом эфире, – говорит она. – После этого он был очень расстроен. Он ожидал большого выигрыша и думал, что Петер повлиял на его выбор. Я не знаю точно, что он имел в виду, но суть была в том, что мужчина отвлекся на Петера, когда выбирал свой лотерейный билет.

«...притянуто за уши», – думает Эмма.

– В комнате отдыха после трансляции он напал на Петера и обвинил его в том, что он разрушил его жизнь. Это все было очень неприятно и сильно потрясло Петера.

– Что случилось потом? – спрашивает Эмма.

В голове крутятся десятки сценариев развития событий, но женщина прерывает Эмму, прежде чем она успевает что-то придумать.

– Этот человек, по-видимому, впоследствии преследовал Петера некоторое время, но Петер все равно не хотел писать заявление в полицию.

– Можно мы придем к вам и посмотрим записи с камер видеонаблюдения?

– Конечно, приходите. Мы будем ждать вас.

– Отлично. Как зовут игрока в лотерею?

– Йерка Янссон, шестьдесят три года, район Бекомберга.

– Сколько он выиграл?

– Сто тысяч крон, но рассчитывал выиграть пять миллионов, – отвечает она. – Это бы спасло его. Так он кричал в комнате отдыха, когда его выволакивали охранники.

– Мы можем с коллегой приехать прямо сейчас?

– Да, конечно, я сообщу о вас охране.

– Спасибо вам за помощь, – говорит Эмма.

Она заходит в интернет и ищет видео с позапрошлой субботы. Йерка Янссон – крупный мужчина с седыми усами и мощными руками. На нем красно-черная фланелевая рубашка в клетку. На предплечьях видны зеленоватые татуировки. Поначалу он кажется воодушевленным. Но когда он стирает все клеточки на лотерейном билете и Петер говорит, что выигрыш составил сто тысяч крон, что-то происходит с его выражением лица. Он полностью теряет самообладание и говорит, что рассчитывал выиграть гораздо больше. Затем эфир обрывается, и начинается реклама.

Крилле стучит в дверь.

– Можно мне войти?

– Да, конечно, – говорит она. Крилле ставит рядом с ее креслом стул для посетителей и кладет руки на его спинку.

Теперь они вдвоем – команда, и по какой-то странной причине Эмма чувствует себя виноватой перед Нюллетом, несмотря на то что не она принимала это решение.

– Какой красавчик, – шутит Крилле и кивает в сторону Йерки.

Эмма рассказывает о разговоре с женщиной из службы безопасности.

– Одевайся, мы едем в офис канала TV4, чтобы посмотреть записи с камер видеонаблюдения.

– Сейчас? У меня есть планы на сегодняшний вечер.

– Очень жаль, но сначала надо закончить работу, – отвечает она твердо, чтобы показать, что решение не поддается обсуждению. Обязательно ему было подтверждать ее предрассудки относительно эгоцентричных и избалованных детей 90-х?

– Да, конечно, – говорит он, протягивая распечатку. – Список звонков Петера Линда.

Он ни разу не делал звонок из Даларны. Никому, отмечает Эмма, просматривая список.

– Нужно копнуть глубже, закажи выписку из всех его СМС за последние две недели, – говорит она.

– Да, кстати, об этом, – говорит Крилле. – Выписка будет стоить десять тысяч крон, потому что речь идет примерно о сотне СМС.

Операторы в Швеции требуют сто крон за СМС, что сводит Эмму с ума. В Финляндии эта информация предоставляется полиции бесплатно.

– Отправь им запрос, нам нужно прочитать его сообщения, – говорит Эмма и начинает понимать, как сложно работать за двадцать миль от Главного полицейского управления. – На всякий случай также направь запрос в Бурленге, ведь это не я руковожу расследованием.

Эмма ищет номер Йерки Янссона в выписке разговоров с телефона Петера.

– Смотри-ка, – говорит она Крилле. – Йерка звонил Петеру пять раз. Первый разговор длился двадцать две секунды, но на остальные звонки Петер не отвечал.

Она просматривает список дальше.

– И его звонки полностью прекратились в прошлое воскресенье.

Последнее известное местоположение мобильного телефона находится недалеко от места, где нашли тело Петера в Даларне, но, конечно, невозможно определить, кто его там выключил – Петер или убийца.

– Я говорил с Вестбергом как раз перед тем, как получил выписку с телефона, – говорит Крилле. – Тело везут на судмедэкспертизу. Вестберг сразу смог определить, что Петер умер не своей смертью и что его тело перемещали уже после того, как он умер, но пока невозможно указать точную причину смерти. Мы, конечно, узнаем больше после вскрытия, но я должен сообщить тебе еще кое-что.

– Что именно?

– Вестберг сказал, что Петер был мертв примерно в течение суток на тот момент, как его нашли.

Эмма пытается посчитать.

– Это означает, что он был жив еще примерно целую неделю после того, как исчез!

И ни разу не позвонил за это время своей девушке.

9

Приходи в черном на остановку в Смедслэттене в восемь вечера. Есть способ все вернуть. Но хватит ли у тебя смелости?

Юлия сидит в постели и смотрит на написанную от руки записку, которую ей подбросили в школьный шкафчик. За этим сто процентов стоит Лив.

Кто еще?

Время идет, и Юлия чувствует, что начинает все больше и больше переживать. Она не может решить, стоит ли ей из-за этого волноваться или нет. Какой она видела Лив на самом деле? Она веселая и немножко сумасшедшая, но в итоге везде, где она появляется, царят хаос и постоянные интриги.

Нет, Юлия не хочет снова с ней дружить.

Она отказывается быть марионеткой Лив, даже если они помирятся. Пусть эта роль остается за Тессан, если ей так нравится. Но Юлия хотела бы, чтобы все было как раньше. Она складывает записку и забрасывает ее под кровать, тут же принимая решение.

У нее нет выбора, ей придется туда пойти.
Юлия смотрит на часы. Она уже опаздывает.
На ней голубые джинсы и светлая рубашка.

Приходи в черном.

Ей нужно быстро переодеться, поэтому она роется в ворохе одежды, разбросанной на кресле. Ворох каждый день становится все больше. Она надевает черные расклешенные джинсы и замечает, что они стали великоваты в талии, несмотря на то что она больше не тренируется. В последнее время ей стало тяжело есть. Школьная столовая не самое приятное место, и она предпочитает туда не ходить. Поэтому она просто съедает пару сэндвичей, когда приходит домой. Как сегодня. Но сейчас ей даже бутерброды тяжело даются – они разбухают во рту и их невозможно проглотить.

Она почти не ощущает голода.

На улице идет мелкий дождь, температура чуть-чуть выше нуля.

Наступили сумерки, и над крышами висит туман. К счастью, на ней черная куртка, так что Лив вряд ли найдет к чему придраться. Юлия отстегивает свой велосипед и уже почти садится на него, когда слышит, как открывается входная дверь.

– Ты куда?

Юлия замирает.

Мама.

Этого она точно не ожидала.

– В видеопрокат, всего пара кварталов отсюда. А что?

– Ты должна есть нормальную еду, не только конфеты, – слышит она в ответ. Опять этот вечный разговор про еду. Никто в ее возрасте нормально не питается, по крайней мере девочки. Неужели мама этого не понимает?

– Оставь меня в покое, – огрызается Юлия.

– Ну уж нет, – отвечает она и протягивает дочери шлем. – Так уж получилось, что я твоя мама, и я беспокоюсь о тебе.

«Это уж точно», – думает Юлия. Если бы мама заботилась о ком-нибудь, кроме себя, они бы не уехали из Броммы.

– Если ты так обо мне беспокоишься, ты сейчас разрешишь мне уйти, – ответ получается более злым, чем она планировала.

– *Уехать.*

– Чего?

– Я думала, ты уедешь, а не уйдешь.

Мама всучивает ей уродливый красный шлем. Ее хитрая улыбка вселяет в Юлию желание заорать ей прямо в лицо. Тем не менее она берет шлем и надевает его на голову, прежде чем запрыгнуть на велосипед и уехать. Быстро и рывком.

– Пожалуйста, возвращайся пораньше, – кричит мама ей вслед.

Ее голос резкостью отдается во всем теле.

Юлия терпеть не может, когда мама пристает к ней как чертов тюремщик. Ее это порядком достало, она ведь уже не ребенок. Она не собирается разъезжать в таком виде, чтобы все смеялись над ней. Как только Юлия спускается с холма, она срывает с себя шлем. Затем поворачивает налево, а не направо.

К Смедслэттену.

На площади ни души. Ну естественно. О чем она только думала? В большинстве окон рядом со станцией выключен свет. Это место кажется жутковатым. Конечно, они над ней издеваются. Пристыженная, она стоит и оглядывается, но из-за тумана видимость очень плохая. Ее не удивит, если окажется, что Лив и ее приятели спрятались где-то неподалеку. Смеются над ней, может быть, снимают видео, которое потом можно будет выложить в чат, где ее нет. Юлия

ждет несколько минут и решает вернуться домой. У нее нет с собой дождевика, и она начинает замерзать из-за моросящего дождя. Неожиданно она замечает, что кто-то идет вдалеке с собакой. Это вряд ли Лив. Лучше поскорее уехать.

В этот момент она слышит голос позади себя.

Она оборачивается и видит Лив, которая привела с собой Тессан. Ну конечно. Юлия смотрит на них. Бывшая лучшая подруга со своей новой подружкой, которая делает все, что ей скажут. *Дурочка Тессан*. Личная шестерка Лив. А ведь Лив смеялась над Тессан за ее спиной. Если бы та только знала.

– Ты готова заплатить по счетам? – спрашивает Лив.

– О чем ты? – отвечает вопросом на вопрос Юлия.

Тессан отводит взгляд.

– Да, какая цена у предательства?

– Я действительно беспокоилась о тебе, – отвечает Юлия и видит, как Тессан шаркает своими белыми кроссовками «Майкл Корс» по асфальту. Юлия начинает всерьез волноваться. Что они задумали?

Женщина с собакой далеко. Теперь они совсем одни. Бромма, прежде безопасное место, кажется теперь опасной и темной. Юлия почти физически ощущает ненависть Лив.

Лив подходит на шаг ближе.

– Ты можешь начать с извинений за всю ту дрянь, которую натворила. Все плохое, что со мной случилось, – твоя вина. Все.

– Прости меня, – говорит Юлия, подавленно глядя вдаль.

– Че? – раздраженно спрашивает Лив. – Я не расслышала.

– Она извинилась, – шепчет Тессан и хватает Лив за куртку – слишком тонкую для этого времени года, но Лив вырывается.

Лив смотрит на часы на своем мобильном телефоне.

– Семь минут.

Юлия пытается прочесть выражения их лиц, но ничего не выходит. Затем они бросают взгляд на трамвайные пути.

Осторожно, трамвай.

Желтый предупреждающий знак невозможно не заметить. Появляется беспокойство, и тошнота накатывает так внезапно, что она едва может ее сдержать.

– Что... что ты хочешь, чтобы я сделала? – выпаливает Юлия и ставит перед собой велосипед.

– Ты ляжешь прямо на эти пути.

10

У Нюллета много сожалений, но на первом месте в этом списке стоит Мадлен Вистранд, и вряд ли кто-то сможет сместить ее с пьедестала. Замена Эммы. Бывший полицейский с волосами цвета воронова крыла и ледяными голубыми глазами. Женщина, диалект которой определить не так-то просто. Может быть, потому, что она родилась в Даларне, а выросла в Кальмаре⁶.

Женщина, которая любит дзюдо и рыбалку.

Мадлен. Обманщица.

Нюллет нервно ходит по квартире взад-вперед, ведь Элли спит, а ему совершенно нечего делать. Он не может делать ничего по дому, потому что думает только о сообщении. В раковине

⁶ Кальмар – портовый город на юге Швеции, один из самых старейших. (Прим. ред.)

собралась уже гора грязной посуды, которую ему надо было бы перемыть, но вместо этого он прокручивает в голове сцены того ужасного вечера.

Не стоило ему приглашать Мадлен. И тем более не стоило с ней... он пытается прогнать картинку из головы. Пытается забыть ее кружевной лифчик на полу.

Она застала его врасплох. Ее прямота, сексуальное тело. Страсть, которую он не мог сдерживать. Никто бы не смог этому сопротивляться. Никто.

Но ему сложно поверить в то, что она забеременела в тот единственный раз. Неужели ему так не повезло? По иронии судьбы, он так страстно желал стать отцом и постепенно пытался смириться с тем, что этой мечте не суждено сбыться.

Но отцом двоих детей разом?

Нет, она врет.

Ей не впервой.

Чтобы побороть грызущее его беспокойство, Нюллет начинает мыть посуду руками. Кастрюля с присохшими к краям комочками каши, несколько стаканов, тарелки, детские пластиковые ложки и обычные столовые приборы. Он с содроганием вспоминает о полицейском деле, в котором Мадлен участвовала несколько лет назад. Скандал, закончившийся тем, что некоторых полицейских уволили без права восстановления, а некоторые получили пожизненные сроки. Мадлен удалось избежать тюрьмы, но она больше никогда не сможет работать в полиции.

Она сожгла все мосты.

Даже между ними.

Он еще меньше понимает, что должен делать дальше. Если она и правда родила от него, то это самый настоящий кошмар. Это свяжет их друг с другом навсегда. Мадлен чокнутая, и к тому же преследует его. Она все время балансирует между дикой любовью и отрешенной ненавистью, и ему совсем не хочется угодить во все это.

Каково тогда придется ребенку?

Нюллет расставляет фарфоровую посуду на сушилке. Затем берет тряпку и вытирает кухонную столешницу так, чтобы она сияла чистотой.

Но беспокойство не покидает его.

Что на уме у Мадлен?

Он.

Нюллет отжимает тряпку и вешает ее. Его чертов долг – убедиться, что Мадлен перестанет беспокоить и его, и Эмму.

Ребенок.

Он достает телефон и смотрит на фото.

Это не может быть правдой. Она просто издевается над ним. Он должен остановить ее раз и навсегда.

11

Юсефин бросает взгляд на настенные часы на кухне и видит, что на стекле появилась небольшая трещина. Стоит ли ей беспокоиться о Юлии? В последнее время она такая нервная. С тех самых пор, как они вернулись домой из Пальмы. Юсефин не знает, как справиться с внезапными перепадами настроения и неисчерпаемым гневом дочери. Ненавистью. Постоянным хлопаньем дверьми, от которого, казалось бы, должны разлететься стекла. Может быть, поэтому часы треснули? Юсефин открывает кладовку, достает пакет с подсолнечными семечками и высыпает их себе в ладонь. Это стало ее новой вредной привычкой: как только она начинает есть, остановиться уже не может.

Юлия, напротив, ест все меньше.

Она ковыряется в еде, сопровождая процесс грустными комментариями.

Юсефин это раздражает, и они вечно ссорятся. Андреас скорее спрячет голову в песок, чем что-то скажет, поэтому Юсефин всегда играет роль плохого полицейского. Ей эта роль совершенно не нравится, но вместе с тем она должна показать другим своим детям, что нельзя вести себя как заблагорассудится. Ссоры обычно заканчиваются тем, что Юлия вскакивает из-за стола и убегает. И когда Юсефин спрашивает ее, почему она так себя ведет, ответ всегда один: «Ты все равно ничего не поймешь».

– Тогда хотя бы попытайся объяснить, – орет Юсефин, но получает в ответ лишь мрачный взгляд. Это в случае, если Юлия все-таки соизволит обернуться. Юсефин сложно найти в этом озлобленном подростке свою милую доченьку, которая заплетала косички игрушечным пони и мечтала получить на Рождество набор «Лего».

Она скучает по своей малышке.

Теперь Юлия переросла ее. Она могла бы сняться в какой-нибудь рекламе шампуня и бегать по рапсовому полю с цветами, заплетенными в волосы. У нее прекрасные светлые волосы – блестящие и шелковистые. Юлия отращивала их несколько лет, но в один день вернулась домой с короткой стрижкой под мальчика. Юсефин не может осознать, что Юлия вот так просто отрезала волосы, без лишних слов, даже не посоветовавшись с ней. Но, вероятно, это часть болезненной сепарации от родителей. «От матери», – поправляет себя Юсефин. Андреас и Юлия почти никогда не ссорятся.

Тем не менее ее переходный возраст дается тяжело всем.

Юсефин интересно, с кем сейчас дружит Юлия. В любом случае не с Лив, что несколько успокаивает ее. Эта девушка ведет себя неадекватно и, похоже, с трудом контролирует эмоции. Стоит ее пожалеть, но Юсефин сложно это сделать.

У нее достаточно своих проблем.

Подсолнечные семечки закончились, и Юсефин вытряхивает шелуху со дна упаковки. Следом в ход идет пакет кокосовых чипсов.

Юлии нет всего полчаса, так почему же она сидит как на иголках? Может быть, потому, что они не очень хорошо попрощались. И еще потому, что Юсефин понимала, что Юлия врет ей прямо в лицо. Она так и не свернула в сторону видеопроката, и Юсефин уже подумывала о том, чтобы запрыгнуть в машину и поехать за ней. Спросить, почему она соврала.

На кухню заходит Андреас.

– Что случилось? Ты какая-то нервная.

– Я волнуюсь за Юлию. Она давно должна быть дома.

– Ты пыталась до нее дозвониться? – спрашивает он и включает электрический чайник.

– Всего три раза, – отвечает она и со стыдом думает о том, что она, наверное, ужасная мать. – Но она меня игнорирует. Может, ты попробуешь? Пожалуйста.

Андреас вздыхает, но ради спокойствия и тишины в доме набирает номер своей старшей дочери.

Ответа нет.

– Не переживай, она наверняка пошла купить конфет, а потом просто погуляет с друзьями, – утешает он.

Он говорит об этом так просто.

– Юлия знает, что я схожу с ума, – говорит Юсефин, откладывая пакет с кокосовыми чипсами. – И делает это только для того, чтобы наказать меня.

– Не будь к ней так строга, – просит Андреас. – У нее сложный период. Переезд прошел для нее тяжело, и тем более мы решили вернуться в середине года. Ей нужно привыкнуть.

Андреас прав. Это просто нервы. Возможно, все из-за того, что у нее нет собственного дела, которому она бы могла посвящать себя, вся ее жизнь крутится вокруг дома и детей. И ее потребности все контролировать.

– Будешь чай? – спрашивает Андреас и вытаскивает коробку чая с разными ароматами. Юсефин пытается расслабиться. Ей нужно перестать искать во всем проблему и перестать наседать на свою семью.

– Да, с удовольствием, – отвечает она. – С ромашкой.

Но беспокойство не исчезает. Она чувствует, что что-то не так, и снова набирает номер Юлии.

Звонок проходит.

Что-то произошло. Она ясно почувствовала это, еще когда Юлия уезжала прочь. Что-то скрывалось в ее импульсивной злости.

Будто бы Юсефин застала ее врасплох.

12

С краев ямы осыпается земля, и комок почвы попадает Магнусу в глаз. Что он, черт возьми, здесь делает? Мультимиллионер, способный купить все, что угодно, но все равно чувствующий себя несчастным.

Викан со временем становилась все тише.

Даже когда она ночью разбила гипс на ноге и начала принимать снотворное, он ничего не сделал. Он предпочел уйти из дома и тренироваться до полусмерти, но так и не смог сказать жене слова утешения или обнять ее. Внять ее крику о помощи.

В ушах шумит, когда Магнус пытается понять.

Но в глубине души он знает.

Он не может удержаться и смотрит в самую глубину бездны, в которой буквально находится. Ничего болезненнее он еще не испытывал.

Здесь ему некуда бежать от правды.

От осознания, что в его жизни наступил кризис.

Самое неприятное, что он не может указать на определенное событие или конкретный день, когда это началось. Он думает об озере, в котором медленно, миллиметр за миллиметром, поднимается вода, и никто этого не замечает. Пока не хлынет потоп.

Его жизнь была чертовски цельной.

А теперь он лежит под землей на глубине в несколько метров где-то в лесу. И сходит с ума от злости на себя. Но больше всего злится из-за своего предательства.

Магнус не может не думать об этом.

Какой мужчина уходит из дома, когда жена сообщила ему, что больна? Это произошло в самое неподходящее время и перевернуло все его существование. Больна? В каком смысле? Он помнит, как смотрел на их отражения в зеркале прихожей, когда она сказала ему то, что он уже должен был понять и сам, но предпочел закрыть на это глаза. Она вернулась домой, оставив детей в детском саду и школе, а он принимал душ и брился, чтобы хорошо выглядеть на работе. Они существовали под одной крышей, но проживали разные жизни и пересеклись в то утро на несколько роковых минут. Магнусу было достаточно остановиться на мгновение и посмотреть на свою жену. Ее осанка была неровной, она сильно похудела. Ключицы стали острыми, щеки впали, а взгляд стал пустым. Сам он выглядел лучше, чем когда-либо, – с прекрасным загаром – после недельной конференции в Хорватии. Необычайно свежий для своего возраста.

Но Викан? Они были словно день и ночь.

Она начала с извинений за то, что ничего не сказала раньше, потому что не хотела говорить об этом при детях, не хотела беспокоить их без необходимости. Викан всегда ставила других на первое место.

А потом она сказала это. Прямо и не увиливая.

– У меня рак матки.

Магнус неловко пошевелился в могиле, пытаясь не обращать внимания на то, что он замерз и голоден. Он заслуживает страдания.

Выяснилось, что за последние месяцы Викан оперировали уже дважды. Она пошла на это, ничего не сказав, потому что не хотела нагружать его, ведь он и так казался чересчур напряженным. Магнус никогда не чувствовал себя хуже, чем в тот момент. Его жена пережила ужасные вещи в полном одиночестве. Это непростительно. Если бы он просто задержался перед работой на секунду и спросил ее, как она себя чувствует, то они бы не стояли в прихожей как два незнакомца.

Ему следовало бы обнять ее и попросить прощения, но мозг подсказал ему совсем другое.
Убегай. Убегай отсюда скорее.

Он посмотрел на свой «Ролекс» и промямлил, что через полчаса у него встреча.

– Обсудим сегодня вечером.

Как будто речь шла о смене компании, поставляющей им электроэнергию.

Викан не возражала, но Магнус увидел слезы в уголках ее глаз. Он бросился к входной двери и толкнул ее сильнее, чем обычно. Затем стремглав рванул к машине, пытаясь отдышаться. Как только Магнус сел в машину, в глазах появились непрошеные слезы. Не из-за болезни Викан, а из-за его отвратительного поведения. Он всхлипывал и плакал, понимая, что должен вернуться, но не смог это сделать.

Нет, этого достаточно. Магнус больше ни секунды не проведет в этой гребаной дыре.

Слишком трудно анализировать все, что произошло, когда хочется забыть об этом.

Он встает на ноги. Белые тенниски полностью испорчены (как будто это имеет значение). Он ищет веревку или что-то в этом роде, что могло бы помочь ему выбраться отсюда, но ничего не находит.

– Эй! – кричит Магнус.

В ответ он получает лишь эхо.

Ему ничего не остается, как попытаться выбраться самостоятельно. Впервые в жизни он начинает паниковать из-за замкнутого пространства. Земля осыпается, когда он пытается ухватиться за нее руками. Магнус смотрит в темное небо. Звезд не видно, над ним нависает лишь черная железная решетка, которая закрывает вход в яму.

– Довольно! – кричит он.

Его крик поднимает с места стайку птиц. Становится тихо.

Раздражение нарастает. Этот человек не мог просто оставить его здесь, правда? Одного. Магнус даже не знает, где он, и совсем не хочет заблудиться в лесу.

– Выпусти меня! – рычит он. – На помощь!

Воцаряется тишина. Магнус пинает ногой землю и ухитряется ухватиться за нее пальцами. Он приподнимается, но в следующую секунду соскальзывает обратно вниз. Затем он делает еще одну попытку, но понимает, что край ямы гораздо выше, чем ему казалось. Во время очередной попытки к нему возвращается ясность ума. Это похоже на пробуждение от дурного сна. Он обещает себе никогда никому об этом не рассказывать. Никто его не поймет. Он унесет эти воспоминания в могилу. Викан думает, что он на конференции, и обычно она не контролирует его передвижения.

Она не должна об этом знать.

Наконец он поднимается до верха и хватается за решетку.

Он опять немного соскальзывает, но ему удается остаться наверху. Кончики пальцев саднят, а пот течет ручьями. Сшитая на заказ рубашка испорчена, но Магнусу чертовски наплевать. Только бы выбраться отсюда. Он поднимает руку и ощупывает воздух над головой. Решетка расположена на самом входе в яму. Та решетка, которую он помог поднять, ведь она была слишком тяжелой для одного человека.

Она застряла?

Магнус пытается поднять ее, но решетка не двигается.

Что, черт возьми, происходит?

– Выпусти меня! – кричит Магнус до тех пор, пока голос не срывается. Он дергается и пытается сорвать решетку, но ничего не выходит.

Неужели это наказание за худшее из всех его предательств?

Предательство, которое разрушило его семью.

13

– Йерка хотя бы не давал нам соскучиться, – говорит Крилле, пока они едут на TV4. – Я искал информацию о нем. В реестре дорожных нарушений есть как превышение скорости, так и парочка мелких инцидентов.

– Но ничего, что указывало бы на склонность к жестокости? – спрашивает Эмма и тормозит на красный свет недалеко от станции «Стадион».

Они почти на месте.

– Его арестовывали за мелкие побои, – отвечает Крилле. – Это нам подойдет?

Эмма удрученно качает головой из-за формулировки Крилле. Наконец светофор загорается зеленым. Ясно, что Йерка мог делать вещи и похуже, и его просто не поймали. Кроме того, нередко люди без криминального прошлого совершают ужасные преступления.

– Похоже, он давно сидит без работы, – говорит Крилле. – Без работы люди сходят с ума. Есть куча времени, чтобы заикнуться на всякой ерунде. Например, на преследовании безобидного ведущего новостей.

Когда они прибывают на TV4, женщина из отдела безопасности сообщает им, что уже поручила нескольким людям просмотреть записи начиная с момента, когда Йерка был на утреннем выпуске новостей, и до исчезновения Петера.

– Пока это ни к чему не привело, – говорит она, пожимая плечами. – Осталось посмотреть только воскресные записи.

– Это мы сделаем сами, – говорит Эмма, устраиваясь перед экраном. Крилле выдвигает стул и садится рядом с ней.

– Хотите чаю или кофе? – спрашивает женщина.

– Нет, спасибо, – говорит Эмма. – Когда мы говорили по телефону, вы сказали, что Йерка несколько раз беспокоил Петера. Можете ли вы рассказать об этом подробнее?

– Йерка, по-видимому, приезжал в дом Петера в Седермальме, а на следующее утро заявился к нему на работу. Это все, что я знаю.

– Хорошо, спасибо.

Эмма просматривает многочасовые видео с камеры видеонаблюдения у входа. Оба ее ребенка хорошо проводят время дома, но она все еще чувствует себя плохо из-за того, что задерживается на работе уже в первый день. Эмма обещает себе, что это последнее ее дело на сегодня, если не произойдет чего-то неотложного.

– Я один устал? – спрашивает Крилле и проглатывает несколько таблеток кофеина.

И тут Эмма видит то, чего так долго ждала. Его выдает узор на рубашке, иначе бы она пропустила, как он появился на экране. На Йерке темная кепка, которая скрывает лицо, но нельзя не узнать его фигуру, рубашку и усы.

Это он.

– Крилле, – зовет она.

Он придвигает стул ближе: так близко, что они касаются друг друга. Йерка стоит, переминаясь с ноги на ногу, у входа в здание TV4 и иногда исчезает с изображения, поскольку находится на краю зоны захвата камеры. Электронные часы на записи показывают половину двенадцатого утра.

– Во сколько заканчиваются «Утренние новости» по воскресеньям? – спрашивает Эмма.

– Ты меня спрашиваешь? – фыркает Крилле. – Я что, похож на целевую аудиторию?

– В половине двенадцатого, – говорит женщина из отдела безопасности. Эмма почти забыла, что они не одни в кабинете.

Следующие несколько минут на экране ничего не происходит. Йерка смотрит на часы, чешет нос, сплевывает. Ходит туда-сюда. Настораживается, когда люди проходят мимо. Эмма ускоряет запись, а затем ставит обычную скорость на двадцати минутах первого.

Из дверей выходит мужчина.

– Петер Линд, – говорит Крилле.

Ведущий новостей колеблется несколько секунд, прежде чем направиться в сторону улицы Тегелудсвэген.

– Нет-нет, стой, – шепчет Крилле, как будто может повлиять на ход событий.

Йерка подходит к Петеру и агрессивно жестикулирует. Петер спиной пятится обратно к двери и поднимает руку, чтобы успокоить Йерку.

– Как досадно, что нет звука, – говорит Крилле, откидываясь на спинку стула.

Йерка останавливается и протягивает Петеру пустой бумажник.

Рукава закатываются, становятся видны его татуировки. Кажется, что Петер говорит что-то, а потом идет налево и исчезает с экрана. Через некоторое время Йерка следует за ним. Эмма перематывает запись вперед, но больше ничего интересного не происходит. Она снова перематывает назад и останавливает запись прямо перед тем моментом, когда ведущего программы начнут преследовать.

– Итак, это последнее, что у нас есть на Петера.

Йерка, одинокий отчаявшийся человек, который действует в состоянии аффекта. Неожиданно у них появляются и подозреваемый, и мотив преступления.

Эмма отправляет записи наблюдения себе на почту, после чего они покидают офис TV4.

После того как они садятся в машину, Эмма звонит начальнику следственного отдела, или даларнскому черту, как называет его Линдберг, и рассказывает ему все, что им удалось узнать.

– Невероятно, – говорит Вестберг, взволнованный новой информацией. – Мы идентифицировали следы от сапог в непосредственной близости от места обнаружения Петера. Большинство из них, похоже, принадлежат человеку, который нашел Петера, но не все. Так что есть следы, с которыми можно сравнить следы ботинок Йерки.

– Мы наведаемся к нему и немного побеседуем, – говорит она.

– Отлично, – отвечает он с дальским акцентом, тем самым завершая разговор.

На улице уже совсем темно, когда Эмма вводит на GPS адрес Бекомберги в Бромме.

– Я пытаюсь понять, как можно так сильно злиться из-за того, что выиграл только сто тысяч крон. А затем преследовать ведущего? – говорит Эмма. – Одно дело расстроиться, что не выиграл больше, и совсем другое – всерьез верить в то, что ты буквально потерял почти пять миллионов крон. И винить в этом Петера.

– Это кажется не совсем нормальным, – соглашается Крилле.

Неужели он почувствовал слишком сильное давление, когда был в прямом эфире? Возможно, Йерка страдал от панических атак или психоза. Или у него были мании?

На кадрах с камеры наблюдения не было видно борьбы, только то, что Йерка вступил в перепалку с Петером, а затем последовал за ним. Что именно произошло потом, знает только Йерка.

Через четверть часа они подъезжают к серому дому в Бекомберге, где зарегистрирован Йерка. Они поднимаются на лифте на пятый этаж, звонят в дверь и ждут. Прислушиваются к каждому звуку. После нескольких попыток Эмма вздыхает и поворачивается к Крилле.

– Дома никого нет.

Из квартиры рядом высовывает голову соседка.

– Вы ищете Йерку? – спрашивает женщина в цветастом платье с короткими вьющимися волосами. – Его никто не видел... да, несколько дней. Вы его дети?

Эмма и Крилле смотрят друг на друга. Так они теперь брат и сестра? Вряд ли – они почти полные противоположности друг друга. Крилле – темноволосый, с карими глазами, Эмма блондинка.

– Нет, мы из полиции.

Женщина пятится назад.

– Вы думаете, он мертв?

Эмма удивлена такому резкому предположению.

– С чего бы ему быть мертвым?

– Я звонила в полицию несколько дней назад и сообщила о громком хлопке.

14

Лив толкает Юлию перед собой вдоль трамвайных путей и говорит, что ей нужно потопиться. Тессан почти не видно отсюда – она отстала от них и плетется где-то позади. Юлию больше не трясет от холода, теперь она дрожит от ужаса. Есть ли выход из этой ситуации? Она надеется, что кто-нибудь появится и поймет, что происходит, но вокруг темнота и пустота. Никто не видел, как они вышли на трамвайные пути. Туман ухудшает видимость, и Юлия смотрит на свои темные брюки.

Приходи в черном.

Это для того, чтобы ее не было заметно на путях? Чем дальше они отойдут от станции, тем быстрее будет ехать трамвай. Когда Лив останавливается, они обе понимают, что это достаточно далеко, чтобы водитель не успел начать торможение до Смедслэттена.

– Вот здесь будет неплохо, – говорит Лив. – Ложись и закрывай глаза.

Закрывай глаза?

Юлия пристально смотрит на Лив и Тессан.

– Вы хотите, чтобы я умерла?

– А что, ты боишься?

– Нет, ты же знаешь, что я не трусиха, – вызывающе отвечает Юлия. – Иначе я бы никогда не сказала своим родителям, что ты пьешь и куришь. Я сделала это, чтобы помочь тебе.

Глаза Лив вспыхивают.

– Чушь собачья! Ты маленькая завистливая засранка, которая хотела меня подставить.

Слова вылетают изо рта Лив как из пулемета, и Юлия понимает, что все кончено.

– Трамвай скоро приедет, – с осторожностью говорит Тессан, похлопывая Лив по плечу. – Неужели мы не можем просто забить на это все?

– Нет! – шипит Лив. – Юлия стукачка. Она поедет домой, поплачется своей мамаше, как обычно. А та позвонит моим родителям.

Юлия больше ничего не слышит. Она ложится на пути, прислонившись шеей к твердым, холодным рельсам. «Теперь ты счастлива?»

– Прекрати, Юлия, – протестует Тессан. – Просто забей уже.

– Заткнись, – говорит Лив, таща за собой Тессан в заросли кустарника.

– Ты сказала, что мы просто напугаем ее, – это последнее, что Юлия слышит от Тессан, прежде чем Лив заставляет ее замолчать.

Юлия мысленно отсчитывает секунды, в основном для того, чтобы успокоиться. Она досчитывает до сорока восьми, прежде чем рельсы начинают дрожать. Край путей расположен высоко, он врезается в шею. Инстинкты говорят Юлии, что она не должна слушать идиотские приказы Лив, и все же она остается лежать на рельсах. Она не хочет, чтобы ее снова обвинили

в трусости. Если она не расскажет никому об этом, то, возможно, Лив оставит ее в покое. Юлия ждет и прислушивается. Смотрит на туман, медленно опускающийся на рельсы. Это похоже на фильм или сон, на который она смотрит издали, а не на то, что происходит на самом деле.

Юлия знает, что ей придется лежать долго.

Трамвай приближается. Этого достаточно?

Юлия поворачивается к Лив, которая быстро покачивает головой. Ее взгляд остекленел, и Юлия проглатывает ком ужаса, застрявший в горле. Тессан побелела как мел. Юлия близка к тому, чтобы подскочить на ноги, но она не хочет проходить через все это снова. Через несколько секунд она сможет встать и уйти с высоко поднятой головой. Она больше не будет школьным клоуном. Не позволит пинать и бить себя. Волосы снова отрастут, и никто больше не посмеет силой отстричь ей их в школьном туалете. Ни один взрослый не поверил бы ей, если бы она рассказала об этом, потому что ничего подобного ведь не может произойти в средней школе благополучной Броммы? Среди хорошо воспитанных детишек. Никто даже не представляет, насколько правда далека от их розовых фантазий об этой школе. Она чувствует приближение трамвая в тумане, но не слышит звука тормозов. Никакого гудения.

Разве машинист ее не видит?

Лив и Тессан неподвижно стоят напротив рельс, надежно скрытые ветками кустарника. Только когда фары освещают рельсы, они исчезают из поля зрения. Ну что ж. Теперь все кончено. Ей больше не нужно лежать здесь и рисковать своей жизнью.

Юлия опирается локтями о землю, чтобы подняться на ноги. Взгляд задерживается на трамвае на слишком долгое мгновение. Он мчится гораздо быстрее, чем она ожидала. Она понимает, что, возможно, уже слишком поздно выбираться оттуда. Затем она смотрит прямо на трамвай и встречает дергающийся взгляд машиниста. Он агрессивно жестикулирует, но ее тело словно вмерзло в землю. Юлия ни шагу не может сделать. Не помогает и то, что звук предостерегающего гудка трамвая врзается в мозг, она не в состоянии пошевелиться.

– Юлия! – слышит она, как кто-то кричит, срывая голос.

Похоже на Тессан.

Больше Юлия не успевает ни о чем подумать, пока мир не взрывается в ее голове фейерверком молний и звезд.

Затем на нее опускается непроглядная тьма.

15

– Подождите-ка минутку, – говорит Крилле соседке Йерки Янссона, стоящей на лестничной клетке в Бекомберге. – Что вы имеете в виду?

– Я сообщила в полицию, что с Йеркой что-то могло случиться, – говорит она. – В то воскресенье из квартиры раздавался ужасный шум. Но никто не приехал. Никому нет дела до нас, стариков.

– Не говорите так, – протестует Эмма. – Как вас зовут?

– Меня? Джамала Али.

Эмма подходит к почтовому ящику Йерки, приподнимает крышку и втягивает воздух. Приторная вонь, которую она слишком хорошо знает.

– Вызови мастера по замкам, – просит она Крилле.

– Что происходит? – спрашивает Джамала.

Эмма улыбается встревоженной женщине.

– Нам нужно попасть в квартиру. Ничего, если мы зайдем к вам в столь поздний час?

– Я не ждала гостей сегодня, – говорит она, извиняясь за беспорядок.

Эмма не видит ни единой пылинки.

– У вас так чисто!

– Не особенно, – говорит Джамала, проводя пальцем по фотографии в рамке на стене. – У меня три дочери. Все они так заняты. Ни у кого нет времени меня навестить.

– Вы хорошо знаете Йерку? – спрашивает Крилле.

Джамала фыркает:

– Если ты живешь по соседству с человеком в этом картонном доме, ты хорошо его узнаешь, хочешь того или нет.

– Что за грохот в квартире Йерки заставил вас обратиться в полицию? – спрашивает Эмма.

– Громкий треск, – отвечает Джамала. – Было похоже на драку, вышедшую из-под контроля.

Похоже, этим вечером у слесарей есть много другой работы, или они застряли в пробке, потому что проходит пятьдесят минут, прежде чем появляется человек, который может открыть дверь Йерки. Они благодарят Джамалу за помощь и просят ее оставаться в своей квартире.

– Я лучше пойду за тобой, – говорит Крилле, и она замечает его бледность.

Эмма вынуждена зажимать нос, когда заходит к Йерке: она никогда не привыкнет к трупному запаху. В прихожей стоят несколько пар обуви и пара сапог с присохшей к подошвам глиной. В коридоре нет следов беспорядка, и она проходит в гостиную. Пусто. Телевизор выключен. Коричневое вельветовое кресло перевернуто, на полу упавшая со стены картина с разбитым стеклом. Здесь что-то произошло, как и сказала Джамала. На журнальном столике стоит открытая коробка шоколадных конфет, а рядом с ней лежит белый конверт. Эмма думает, что к этому она вернется позже. Сначала ей нужно найти тело. Она открывает дверь в спальню и видит неубранную кровать, но в комнате никого нет.

На кухне раковина заполнена грязными тарелками и стаканами, а на столе стоит открытая упаковка с хлопьями.

– Где он? – спрашивает Крилле, который постоянно идет позади нее.

– В ванной, – отвечает Эмма. – Больше искать негде.

Дверь с табличкой «Туалет» закрыта. Эмма давит на ручку. Первое, что она видит, – это ванна. В ней кто-то лежит.

– Йерка? – окликает она, хотя с самого начала было очевидно, что он мертв.

Эмма подходит ближе и присматривается к мертвецу в наполовину заполненной ванне с темно-бордовой водой. Голова повернута в другую сторону. Он обнажен.

– Черт возьми, – говорит Крилле, выходя из комнаты. – Я не могу это вынести. Выйду и позвоню врачам и криминалистам.

Эмма смотрит на тело. Трудно сказать, тот ли это человек, что и на экране монитора. Она должна убедиться, что это Йерка. В то же время возиться на месте преступления ей нельзя – криминалистам это не понравится.

Она наклоняется над ванной и видит зеленые татуировки на запястьях.

Йерка Янссон.

Эмма осторожно пятится из ванной, чтобы не испортить улики.

Крилле стоит в дверях.

– Я позвонил, так что они уже в пути.

– Это Йерка, – говорит Эмма.

Он натянуто кивает, лицо у него все еще бледное.

– Ты хочешь о чем-нибудь поговорить? – спрашивает она, но он качает головой.

Эмма вспоминает о конверте на кофейном столике. Она возвращается в гостиную и поднимает его. Надпись на конверте сделана неровным почерком.

Тому, кто меня найдет.

Внутри ничего нет.

– Ты открывал его? – спрашивает она Крилле.

– Нет, я его не трогал.

Странно. Она осматривает всю гостиную и идет в спальню, но ничего не находит. Судмедэксперт и два криминалиста входят в квартиру, и она спешит в прихожую, чтобы встретить их.

Когда врач констатирует смерть Йерки Янссона, Эмме и Крилле больше нечего делать в этой квартире. Работа криминалистов продлится всю ночь.

– Немедленно отправьте его ботинки на экспертизу, – говорит Эмма. – Пожалуйста, дайте мне знать, если найдете что-нибудь еще.

По пути к мосту Транеберг они встречаются машину «Скорой помощи» с синими мигалками, несущуюся на бешеной скорости. «Скорая» сворачивает в Алвике, и по внутреннему радио они слышат, что на трамвайных путях в Нокебю произошла авария и что движение остановлено в обоих направлениях до дальнейшего уведомления.

Эмма смотрит вслед «Скорой».

– Надеюсь, им не придется собирать чьи-то останки.

Звонит сотовый телефон – это глава следственного отдела Вестберг. Эмма отвечает и рассказывает о том, что они обнаружили в квартире Йерки.

– У меня тоже есть новости, – отвечает он. – У нас есть предварительная причина смерти. Несмотря на отметины на шее Петера, он умер не от удушения. Подъязычная кость была цела.

– Да ну, – удивленно говорит Эмма. – Как это случилось?

– Он утонул.

16

Смятение и отчаяние переходят в гнев. Юсефин вот-вот разобьет чашку чая, которую сжимает в руках. Чертов ребенок! Почему Юлия заставляет ее пройти через это? Убегает, а потом не отвечает на звонки. Это ненормально, и Юсефин скажет ей об этом, как только они увидятся. Действия имеют свои последствия. Комендантский час и запрет на использование мобильного на целую неделю – достаточное наказание.

Это пойдет на благо Юлии.

Юсефин ставит чашку в посудомоечную машину и вставляет таблетку, но в этот же момент слышится вой сирен. Она начинает дрожать. То, что в районе едет «Скорая помощь», а Юлии нет дома, еще ничего не значит. Она наверняка накручивает себя. Немного высокомерно думать, что все вращается вокруг ее семьи. Юсефин запускает посудомоечную машину, куда поступает вода, и звук за окном заглушается.

Она ищет в кладовке свою секретную коробку конфет. Когда Юсефин поднимает крышку и видит, что осталось всего три пралине, то понимает, что вряд ли коробка была такой секретной, как она думала. Дети вынюхивают сладости, как собаки-ищейки. Или это Андреас, который снова начал тайно есть сладкое после активной подготовки к соревнованию Iron Man, которая провалилась. Ни у одного из них нет силы воли, когда дело доходит до шоколада. После некоторого колебания Юсефин кладет в рот пралине. Затем она снова закрывает дверцу кладовки и замечает, что Андреас стоит на кухне. Она как раз собирается признаться в своем преступлении.

– Ну ладно, я не могла не...

– Юсефин, – перебивает он.

Его застывший взгляд свидетельствует о том, что произошло что-то серьезное.

– Мне позвонили, – говорит он, и она видит, как дрожит рука, держащая мобильный телефон. – Юлию везут в Каролинскую больницу в машине «Скорой помощи».

Кровь отхлынула от мозга, и Юсефин приходится опереться о раковину. В ушах звенит, она силится держать глаза открытыми.

– Что случилось? – выдавливает из себя она.

«Трамвай...»

Слух полностью исчезает, а легкие сжимаются, неспособные выпустить кислород. Юсефин смотрит прямо перед собой, не слыша больше ни слова из того, что говорит Андреас. Она просто видит, что его губы шевелятся, пока она ловит ртом воздух. Он подходит, берет ее за руку и ведет к машине. Она некоторое время тяжело дышит, прежде чем к ней возвращается слух.

– По крайней мере, она жива, – говорит Андреас, заводя машину. – Это самое главное.

Дождь барабанит в окно, и Юсефин смотрит на дома, мимо которых проходит каждый день. Она знает этот район как свои пять пальцев, но ей кажется, что глаза останавливаются на чем-то, чего она никогда раньше не видела. Свет приближающейся машины режет ее мозг, словно лезвие бритвы. Глазам так больно, что приходится зажмуриться, но свет остается внутри ее век. Маленькие белые полоски порхают у глаз. Юлия, моя малышка. Такая взрослая и в то же время такая маленькая. Когда Юсефин снова открывает глаза, Андреас тормозит.

– Мы на месте.

Юсефин пытается выйти из машины, но забывает отстегнуть ремень безопасности. Андреас отстегивает его, и она выходит на подгибающихся ногах. Ей удается устоять на ногах, ухватившись за дверцу машины.

– Дорогая, дыши, – говорит Андреас и подходит, чтобы поддержать жену. – Все будет хорошо.

Она прокручивает в голове сцену того, как Юлия собиралась уехать из дома на велосипеде. Юсефин стояла там со своим шлемом и говорила что-то ироничное: мол, пойдет Юлия или поедет. Неужели Юлия все равно не надела шлем? Она торопилась и переехала через рельсы, когда подъезжал трамвай? Она пошла на такой риск, чтобы сэкономить минуту? Ей тринадцать лет, и она с детства ездит на велосипеде. Юлия всегда очень внимательна. Юсефин представляет, как Юлию сбрасывает с велосипеда и она приземляется затылком на пути. Она старается не думать об этом, но ей трудно отключить мозг, который бурлит и мучает ее жуткими картинками. Она хватается за Андреаса.

– Что тебе известно? – только теперь Юсефин понимает, что не спросила у него.

Он идет ко входу и начинает рассказывать.

– Только то, что с Юлией что-то случилось на трамвайных путях и что ее отвезли в больницу на машине «Скорой помощи».

– Она серьезно ранена? – спрашивает Юсефин, хотя и не знает, хочет ли услышать ответ.

– Они не хотели сообщать нам никаких подробностей по телефону, но сказали, что мы должны как можно быстрее приехать в больницу.

И вот теперь они здесь. В отделении неотложной помощи. Не имея ни малейшего представления, что конкретно произошло. Медсестра узнает, что приехали родители Юлии, и провожает их до палаты.

– Доктор скоро придет и поговорит с вами.

– Где Юлия? – спрашивает Юсефин.

– Через пару минут вы все узнаете, – говорит медсестра, никак не намекая о том, что произошло.

Юсефин рычит:

– Вы не можете просто оставить нас здесь, ничего не сказав! Это же наша дочь!

– Сядь, Юсефин, – призывает Андреас и поворачивается к медсестре. – Она шокирована.

– Хотите я принесу успокоительное? – ласково спрашивает женщина.

– Нет, я, черт возьми, хочу знать, что с моей дочерью, неужели это так трудно понять?!

Ей что, придется прибегнуть к насилию, чтобы заставить медсестру понять?

Андреас мешает Юсефин встать и напасть на медсестру.

– Я позабочусь об этом.

Юсефин смотрит на мужа с отвращением.

У него очень крепкая хватка, и в конце концов она вынуждена сдаться. Мышцы расслабляются, а затем на глазах появляются слезы.

– Вот так, вот так, успокойся, – шепчет он.

Короткий стук в дверь заставляет их застыть. Андреас выпускает ее руку в тот момент, когда в палату входит молодой врач с кудрявыми волосами и называет свое имя. От его серьезного вида у Юсефин кружится голова. Она вспоминает все визиты в больницу с Эммой, все плохие новости, когда ее сестра находилась между жизнью и смертью. И все же она еще не привыкла к этому. Она должна собрать все оставшиеся силы, чтобы постараться сосредоточиться на том, что скажет этот молодой врач. Вместо этого она бросает взгляд на свой полосатый пижамный костюм и впадает в панику. Она вышла из дома в пижаме?

– Это я оказал помощь вашей дочери в отделении реанимации и произвел первоначальную оценку ее состояния.

Шлем. Который Юлия никогда не любила надевать. Если бы только она надела свой шлем! Как она могла не надеть его? Гнев проходит сквозь тело, как вспышка молнии, но так же быстро гаснет и сменяется ужасом. Юсефин видит Юлию, сидящую в инвалидном кресле. Как поставить пандус? Они будут носить ее вниз и вверх по лестнице, пока не установят пандус?

У Юсефин тысяча вопросов и ни одного ответа.

– Она родилась в рубашке, – внезапно говорит доктор, и мысли Юсефин замирают. – Она сможет полностью восстановиться через некоторое время. Травма головы несерьезная.

Андреас плачет, а Юсефин осознает, что поднимает руку, будто находится в классе.

Доктор кивает ей.

– Подождите, я не понимаю, – говорит она. – Юлия не будет прикована к инвалидному креслу?

Он улыбается впервые с тех пор, как вошел в маленькую приемную.

– Нет, у нее сотрясение мозга и небольшая травма головы, мы наложили несколько швов. Ей дали морфий, и сейчас она спит, но она поправится.

– Слава богу, – шепчет Юсефин.

Улыбка врача меркнет.

– Вы знали, что ваша дочь склонна к суициду?

* * *

Доски под поролоновым матрасом врезаются в спину. Я не могу заснуть, потому что в соседней комнате плачет моя мама. Я испытываю усталость, но гнев не дает мне уснуть. Как папа мог оставить меня здесь, зная, насколько маме плохо? Младшие братья постоянно переживают из-за напряженной обстановки дома. Все ходят на цыпочках, боясь расстроить маму. Я прижимаю ладони к ушам, чтобы не слышать ее рыданий. Хорошо, что мне удастся не замечать покрасневшие глаза и ее изможденное тело, острые ключицы, проступающие над линией ночнушки. Я говорю своим братишкам, что все будет хорошо.

Это, конечно, ложь.

Здесь становится только темнее.

Внезапные перепады настроения у мамы, вспышки гнева. Замешательство, которое все испытывают, когда в одну секунду она бодрая и веселая, а в следующую готова всех убить. Я понимаю, что папа больше не мог этого выносить. А кто смог бы?

Только у нас, детей, нет выбора. Нам некуда бежать.

Я опускаю руки. Мама все еще плачет.

Сначала мы страдали вместе с ней и пытались сделать ее счастливой. Все ее просьбы исполнялись, но она все равно постоянно ругала меня. Что бы мы ни делали, она всегда находила недостатки, а мне оставалось только кивать и проглатывать недовольство, чтобы не злить ее еще больше. Прошли месяцы, прежде чем стало понятно, что она больна. Трудно понять, когда болезнь не видно снаружи.

Ее состояние ухудшалось, она все глубже и глубже тонула в пучине отчаяния.

Три дня назад папина половина кровати стала пустовать.

Слезы текли из моих глаз, когда этого никто не видел.

Но в какой-то момент слезы иссякают. Тогда ты не можешь просто сидеть сложа руки и жалеть себя – ты должен встать. И продолжать жить.

Пусть даже мама не сможет этого сделать сама.

Она отказывается выходить из своей комнаты. Именно я ношу ей воду и еду, потому что не могу смотреть, как она постепенно тает. Хотя, может быть, ей лучше исчезнуть? В самые мрачные моменты жизни эта мысль почти радует меня. Проходит несколько минут, и вдруг становится тихо.

Мне бы стоило испытывать облегчение, но вместо этого я чувствую леденящий ужас, который не могу объяснить.

Страх того, что произошло что-то ужасное.

Вторник, 15 октября

17

Эмма наверстывает упущенное впервые за целую вечность. Коричневые тени для век и черная тушь – этого достаточно. Она улыбается себе в зеркало в ванной и отмечает, что чувствует себя отдохнувшей. Инес осталась с бабушкой и дедушкой, а Элли живет с Нюллетом. Прошлой ночью Эмме стало нестерпимо одиноко, когда она поняла, что оба ребенка находятся не дома. Она чувствовала физическую боль даже несмотря на то, что впервые за несколько месяцев ей удалось выспаться. Элли проснулась рано, так что Нюллет зашел с ней ненадолго, чтобы выпить кофе. Это значит, что Эмме предоставился шанс поцеловать свою маленькую дочку.

Нюллет по-настоящему образцовый отец. Ей с ним очень повезло.

Эмма запирает дверь в квартиру.

Солнце светит между крышами, когда она идет к полицейскому участку на Кунгсхольмене. На начальных стадиях расследования убийства предстоит многое сделать, а теперь у них еще и неожиданно появились два трупа. На этот раз девушка-охранник уже менее подозрительна и приветливо улыбается ей сквозь пуленепробиваемое стекло будки. Как только лифт останавливается на шестом этаже, Эмма сразу идет в свой кабинет.

Крилле еще не пришел. «Наверное, заснул в каком-нибудь спорт-баре со своими друзьями», – думает она предубежденно. Они живут совершенно разными жизнями, и она это прекрасно понимает. И совсем не завидует ему. Ну, может, только совсем чуть-чуть.

Убийство Петера Линда во всех новостях.

Эмма вздыхает, когда видит, что СМИ разузнали о подозрениях полиции в отношении Йерки Янссона. Его уже изображают жадным безумцем, а видео с лотереи, где он стирает клочки лотерейного билета, прокручивают во всех программах. Все новостные сайты опубликовали на первой странице безумный взгляд Йерки, когда Петер поздравлял его с выигрышем в сто тысяч крон. Комментаторы на сайтах не стесняются в выражениях.

Он убил Петера из-за денег.

Жалкий трус.

Йерка убил Петера и отправился в Даларну, чтобы избавиться от тела?

Мотив: проигрыш в лотерею.

Люди убивают и по более странным причинам.

Но когда в таком случае умер Йерка?

Соседка Джамала уверена, что слышала шум из квартиры Йерки в воскресенье, в тот же день, когда исчез Петер. После этого там стало тихо, и она больше не видела Йерку. А судмедэксперт установил, что Петер прожил еще несколько дней после этого.

Эмма пытается понять, что могло произойти.

Новость от Вестберга о том, что Петер утонул, позволит им установить место преступления в ближайшее время. Полиция в Бурленге взяла пробы воды из небольшого озера в лесу, где был найден Петер, чтобы сравнить их с водой из его легких. Но на все это нужно время. Эмма хотела бы, чтобы в реальной жизни все шло так же быстро, как в фильмах, чтобы вся Швеция не представляла собой потенциального места преступления. Она понимает, что работает над делом, в котором не видела ни места преступления, ни жертвы. С другой стороны, вся суть их работы как раз в том, чтобы находиться в Стокгольме и помогать со всем, что требуется,

отсюда. Как в случае с Йеркой, например. Эмма звонит одному из криминалистов, которые работали в квартире Йерки прошлой ночью. Ей отвечает усталый женский голос:

– Ночь была долгой.

– Вы нашли какие-нибудь следы?

– Да, целую кучу, – говорит женщина. – Мы только что закончили, отправили его ботинки с грязью в лабораторию. Когда труп вытащили из ванны, мы нашли под ним пистолет.

Эмма вспоминает белый конверт со зловещей надписью.

Тому, кто меня найдет.

– Вы нашли письмо? – спрашивает Эмма.

– В ящике прикроватной тумбочки лежало начатое письмо, – говорит женщина. – Я его сфотографировала.

– Что там было написано?

– Что ему больше незачем жить, – отвечает криминалист. – Ни работы, ни друзей, ни контактов с семьей, ни денег. Последней маленькой надеждой, которая оставалась, была лотерея, которая могла изменить его жизнь. Он хотел переехать, купить лодку, жить полной жизнью. Он подробно спланировал, что будет делать, если станет миллионером. Сто тысяч крон были последней каплей, и он воспринял это как знак. Как насмешку.

– Ничего о Петере?

– Ни слова, – отвечает она. – Он прервался на середине предложения, письмо так и не было закончено.

– Значит, подписи тоже нет?

– Нет, никакой подписи.

Эмма благодарит за информацию и вешает трубку.

Все зависело от лотереи, но, несмотря на планы Йерки покончить с собой, что-то помешало ему закончить прощальное письмо. Может, он хотел сначала отомстить Петеру или просто не стал дописывать?

Теперь они оба мертвы.

Эмма заходит на сайт форума «Флешбэк» и читает, что написано о Петере Линде. Иногда среди слухов и сплетен можно набрести на интересный след. Настолько ценный, что он может привести к раскрытию дела. Каким бы всеобщим любимцем ни был Петер, куча анонимов на форумах перебивают ему кости. Конечно, трудно, если не сказать невозможно, судить о том, к какой информации ей следует относиться серьезно, а что можно просто пропустить.

Ей должна подсказать интуиция.

Она делает скриншот комментария, в котором поливают грязью Софию, девушку Петера. Кто-то говорит, что у нее были мужчины на стороне.

Линдберг стучит в дверь.

– Доброе утро! Я принес тебе распечатку СМС Петера, – восклицает он, и Эмма отрывается от экрана. – В Бурленге сказали, что ты просила ее достать.

– Спасибо, – говорит она, забирая распечатку.

Эмма читает с растущей надеждой что-нибудь найти. Угрозы, места и время встреч часто раскрываются таким образом, помогая полиции расследовать преступление.

Где ты?

Пожалуйста, ответь!

Черт возьми, Петер, перестань все портить.

На прошлой неделе Петер не ответил ни на одно сообщение.

Эмма читает дальше, и ее внимание привлекает одна эсэмэска.

Не делай ничего такого, о чем потом пожалеешь.

Номер мобильного телефона принадлежит Фредрику Соллеру, и он отправил Петеру много сообщений. Эта СМС может быть истолкована как угроза. Или это искренняя озабочен-

ность тем, что что-то вот-вот произойдет. Эмма должна выяснить, кто этот мужчина. Ответ находится сразу же.

Начальник Петера.

18

Юсефин ходит из стороны в сторону по покрытому пятнами линолеуму длинного больничного коридора в ожидании Андреаса, который ушел купить им завтрак. Запах дезинфицирующего средства уже не такой навязчивый – она к нему привыкла. Юсефин всю ночь ждала, чтобы поговорить с Юлией, но та все еще спит. Она не может перестать спрашивать себя, что пошло не так.

Что она могла сделать по-другому?

Юсефин мельком видит свое помятое лицо в зеркале у двери. Кто эта отчаявшаяся мать с растрепанными волосами? Она отворачивается от зеркала и сокрушенно думает о переезде в Пальму, сожалея, что все это время спорила с Юлией. Ей следовало приложить больше усилий, чтобы помочь дочери справиться с ситуацией в школе. Сегодня все совсем иначе, не так, как когда она сама была подростком. Юсефин заходит в палату Юлии. Наконец она открывает глаза, и Юсефин пытается утешить себя тем, что ей был дарован второй шанс.

Юлия жива.

Она выглядит такой маленькой на больничной койке. Такой хрупкой.

– Привет, милая, как ты? – шепчет Юсефин и тут же жалеет об этом. Понятно, что Юлия чувствует себя ужасно после того, что произошло.

Юлия растерянно озирается вокруг себя с большой повязкой на голове. Когда ее взгляд стал таким пустым? Юсефин придвигает стул как можно ближе к кровати и садится.

– Я не знаю, – шепчет Юлия.

– Папа скоро придет, – говорит Юсефин, нежно глядя ее по щеке.

Юлия отстраняется всего на несколько миллиметров, но все же этого достаточно, чтобы Юсефин заметила. Она старается не показывать, что ей больно.

– Мы так волновались, – говорит Юсефин. – Почему ты ничего не сказала нам?

Врач посоветовал им не торопиться и не задавать деликатных вопросов. Иначе Юлия может закрыться в себе еще больше. Шаг первый – позволить ей прийти в себя и рассказать обо всем самой. Но теперь, когда ни доктора, ни Андреаса здесь нет, Юсефин не может не спросить. Ей нужно знать. В конце концов, она ее мать.

Одинокая слеза скатывается по щеке Юлии.

– Не сказала что?

Юсефин сглатывает и пытается найти слова, которые могла бы произнести вслух, не рискуя разрыдаться. Она скрещивает ноги и откидывается на спинку стула. Ее взгляд блуждает по виду за окном. Она смотрит на красивые осенние деревья – напоминание о том, какой приятной может быть жизнь.

– Что ты не хочешь жить.

Юлия отворачивается и вытирает слезу со щеки.

– Мы могли бы тебе помочь, – продолжает Юсефин со скользящим в голосе разочарованием, которое она всеми силами пытается скрыть.

По-прежнему никакого ответа.

Юсефин кладет руку на одеяло, где, как ей кажется, находится рука Юлии, но та отдергивает руку. Юсефин хочет, чтобы Юлия рассказала ей правду, сказала, что ее гложет. И объяснила, почему, черт возьми, она все это время молчала.

Почему она так поступила.

– Пожалуйста, Юлия, поговори со мной, – умоляет Юсефин и пытается сдержаться, но сама слышит, как строго звучит ее голос – на грани гнева.

– Я не хотела убивать себя.

– *Покончить с собой*, так правильно говорить, – мысленно поправляет ее Юсефин, но слишком поздно понимает, что, должно быть, она сказала это вслух, потому что Юлия смотрит на нее с отвращением.

– Какое, черт побери, значение это имеет?

– Не ругайся, – говорит Юсефин, прикусывая язык.

Юлия поворачивается к ней спиной.

– Умоляю, прости меня, я не спала всю ночь, – оправдывается Юсефин. – Я сама не своя.

– Нет, ты всегда так себя ведешь, – бормочет Юлия. – А теперь ты заставляешь меня чувствовать себя виноватой.

В палате повисает неловкое молчание.

Юсефин вспоминает слова доктора о стыде. После неудачной попытки самоубийства человек может оказаться в состоянии отрицания.

– Дорогая, ты можешь сказать мне все как есть, – говорит Юсефин.

– Ты ничего не понимаешь, – сердито отвечает Юлия, сжимая кулаки. – Мне не нужна твоя гребаная помощь.

В тот момент, когда она произносит эти слова, в палату заглядывает Андреас с двумя бумажными пакетами в руках.

– Ты не спишь? – восклицает он и обходит кровать, чтобы обнять дочь. – Милая, я так счастлив, что ты жива. Я так сильно тебя люблю.

Юсефин сдерживает слезы. Почему она не могла сказать дочери что-то подобное? Если бы только она была немного больше похожа на Андреаса. Была бы милой и дружелюбной. Ее проклятый страх все портит. Страх перед тем, что могло случиться с ее ребенком.

На нее опускается леденящее душу озарение.

Неужели Юлия сделала это из-за нее?

19

Юлия выдыхает с облегчением, когда родители наконец-то уходят из палаты и оставляют ее в покое. Ей больно их видеть, особенно маму. Юлия не может слушать ее отчаявшийся голос. Она не может сказать правду, потому что все это слишком... безумно.

Моя бывшая лучшая подруга заставила меня лечь на трамвайные пути, чтобы посмотреть, сколько я смогу там пролежать.

Нет, это звучит неправдоподобно.

Юсефин бы покачала головой и сказала, что она на такое не купится. Даже если бы она поверила в это, то обвинила бы Юлию: «Ты могла сказать «нет»! Ты же понимаешь, что это совершенно дико? Юлия, ты совсем больная?»

Да, я абсолютно безнадежна, я знаю, ты так думаешь.

Юлия смотрит прямо перед собой на безликую палату. Рассматривает непонятную картину на стене. Но неважно, насколько уродливая здесь обстановка, ей совсем не хочется уезжать. Что все будут думать о ней, когда она вернется домой? Что она хотела *покончить с собой*. Мама, как всегда, поправила ее. Она ни на секунду не может забыть о своей роли воспитательницы. Это так тупо. Юлия не хотела причинять себе вред и уж точно не хотела умирать. И тем не менее все чуть не закончилось именно так.

Она будто уже представляет себе молчаливые взгляды одноклассников, и в грудной клетке буквально разрастается дыра.

Лив соврет всем, чтобы защитить себя, что еще сильнее ухудшит репутацию Юлии. Никого не будет интересовать версия истории Юлии. Правда. И она тем более не может рассказать правду, потому что тогда это будет прямое обвинение в подстроенном несчастном случае. Слово против слова.

Раздается тихий стук в дверь, и в проеме появляется Юсефин. Юлия делает глубокий вдох. Чего она теперь хочет? В руке у матери букет розовых роз.

– Смотри, какие красивые цветы, – говорит она, улыбаясь.

Кто-то действительно подумал о ней, в конце концов? Юлия не знает ни одного человека, который хотел бы подарить ей цветы. В груди разливается тепло. Ей очень приятно, но она не хочет показывать это своей матери.

– От кого они? – спрашивает она. В тот же момент раздается писк мобильного. Лив прислала сообщение.

В следующий раз трамвай не успеет затормозить.

Юсефин протягивает розы.

– От Лив. Так заботливо с ее стороны.

Гнев приходит через сотую долю секунды. Юлия бросает букет на пол, один из бутонов отрывается.

– Что ты делаешь? – в ужасе восклицает Юсефин и начинает собирать розы одну за другой. – Как жаль, такой красивый букет.

– Оставь меня в покое! – кричит Юлия. – Убирайся отсюда!

20

На письменном столе Эммы лежит распечатка платежей по банковскому счету Петера. На первый взгляд платежи выглядят совершенно обычными: обед в японском ресторане, крупная покупка в супермаркете, несколько сотен крон в баре. Но в воскресенье, в последний раз, когда использовалась карта, он снял наличные на общую сумму в двадцать тысяч крон в банкомате в Гэрде. Это Йерка заставил его снять деньги? Или они были нужны ему для чего-то другого?

Когда Эмма и начальник следственного отдела Вестберг связываются по телефону, она рассказывает ему о своей находке.

– Зачем ему понадобились двадцать тысяч крон? – спрашивает он.

– Сюрприз для Софии накануне свадьбы? – предполагает она.

– Спроси ее об этом.

– Вы нашли его телефон?

– К сожалению, нет, – говорит Вестберг, в то время как Крилле входит в кабинет и садится рядом с ней.

– На форуме «Флешбэк» писали, что у Софии были мужчины на стороне, – говорит она Вестбергу, нажимая на кнопку громкой связи. – Я мельком просмотрела этот тред и нашла кое-что интересное.

– Рассказывай дальше.

– Кто-то видел Софию вместе с другим мужчиной в ресторане Lilla Ego неподалеку от ее дома в прошлую субботу. Они были довольно близки и, казалось, не боялись, что их узнают.

– Ты знаешь, что это был за мужчина?

– Нет, еще нет.

Крилле пытается скрыть зевок.

– Софии придется многое объяснить, – говорит Вестберг. – Езжайте и поговорите с ней еще раз.

– Да, конечно, – говорит она. – Петеру также пришлось несколько сообщений от начальника. Одно можно истолковать как угрозу, но большинство из них – просьбы выйти на связь.

Я позвонила Фредрику Соллеру на работу, но мне сказали, что он уже неделю находится на больничном.

– Хорошо, продолжай копать под него, – говорит Вестберг.

После разговора Эмма и Крилле направляются напрямик в дом Петера в Седермальме.

– Я помню, кое-что привлекло мое внимание, когда мы были там в последний раз, – говорит Эмма. – Одежда. София была очень хорошо накрашена и одета – подобрала серьги и все такое. Она выглядела так, словно куда-то собиралась, а не сидела дома и беспокоилась о своем пропавшем партнере.

– Посмотрим, что она скажет сейчас.

София приветствует их с выражением беспокойства на лице. Она и сейчас одета так, будто куда-то собирается, и Эмма замечает чемодан в прихожей.

– Вы узнали что-то еще? – спрашивает София и поправляет прядь волос, упавшую на лицо.

– Мы не помешали? – спрашивает Крилле.

– Конечно нет, просто я не ожидала, что сегодня снова придут полицейские.

– Вы куда-то уезжаете? – спрашивает Эмма и кивает на чемодан.

София выглядит взволнованной.

– Я забронировала горящую путевку в Доминикану, чтобы немного развеяться. Мне нужно время, чтобы отойти после всего, что случилось.

– В разгар расследования убийства Петера? – удивленно спрашивает Эмма. – Не лучше ли остаться дома на случай, если нам понадобится ваша помощь?

София оборачивается.

– Вы не одна дома? – спрашивает Крилле, когда становится очевидным, что София пытается кого-то найти своим взглядом.

В этот момент из тени позади нее выходит мужчина. Эмма сразу же узнает его. Отчасти, поскольку пресса часто писала о нем в последнее время, отчасти – потому что она совсем недавно гуглила его. Эмма знает, что его критикуют за неоднозначные взгляды и что он был уволен с государственного канала SVT по причине публичного скандала.

Фредрик Соллер, начальник Петера на TV4.

– Проходите, – говорит он.

21

Острая лопата занесена над Магнусом. Он пытается защититься руками. За секунду до удара по голове он открывает глаза. Кошмар. Он оглядывается вокруг и понимает, что находится в могиле. Реальность гораздо хуже сна. Глубокая земляная яма вполне реальна, и он дрожит от холода.

У него сжимается сердце, когда он думает о своей измене.

Эния. Сказочное имя говорит само за себя.

Улыбка, радость в глазах.

Магнус всегда думал, что ничего не может поделать с тем, как все обернулось. Что невозможно одержать верх над своими чувствами.

Что в этом нет ничьей вины.

Сначала он был удивлен, что Эния обратила на него внимание, ведь она на двадцать лет моложе. Что она увидела в таком старике? Раз за разом она говорила Магнусу, что он – самый лучший ее начальник. От того, как она смотрела на него, у него подкашивались колени. Недолго думая он убедил ее принять участие в оздоровительной кампании для сотрудников и начать заниматься спортом. Не было никаких скрытых мотивов, они просто начали тренироваться вместе. Правда? Он просто собирался показать ей тренажерный зал, научить ее неко-

торым упражнениям для укрепления шеи, плеч и рук. Как только их тела случайно соприкоснулись, его словно пронзило током. В нем пробудилось то, что спало несколько лет.

Жажда. Желание. Страсть.

Это было просто невероятно, но в голове немедленно появилась мысль: бежать. Но как он мог сбежать от своей секретарши? Уволить ее? На каком основании? Она прекрасно работала. В глубине души он не хотел отпускать ее. Напротив, он хотел быть с Энией круглосуточно. Поэтому не отступил. Поначалу от этого захватывало дух. В ее присутствии Магнус снова мог дышать, и ничто не казалось для него трудным или невозможным. Они сблизились, и он понял, что переступил черту, хотя физически между ними ничего не произошло. Проблема заключалась в том, что для него Эния продолжала быть единственной.

Он любит, когда им восхищаются. Когда его обожают. Ценят его.

А кто этого не любит?

Если бы люди увидели его сейчас, они бы не поверили в то, что это правда.

Когда Магнус с Энией поехали на конференцию в Прагу, она прокралась к нему в номер в первую же ночь. Он возбудился от одного прикосновения к ее выщипанным волосам. Она была такой сексуальной, такой привлекательной. Магнус не мог больше сдерживаться. Он сказал Викан, что, возможно, не сможет отвечать на ее звонки, потому что он несет ответственность за организацию конференции. Викан обещала звонить только в случае крайней необходимости. Было огромным облегчением убрать телефон и не вспоминать о второй жизни, превратившейся для него в обузу. О нарыве, который могло прорвать в любой момент.

Они с Энией впервые в ту ночь занимались любовью. Он никогда не испытывал ничего подобного.

В последние годы Викан в основном лежала в постели, словно мертвый тюлень, жалуясь на головную боль. Эния была инициативной и беззастенчивой. Время остановилось, и они позволили своим телам утолить жажду страсти.

Когда все закончилось, они оба плакали, но каждый по своей причине. Магнус – от невероятного наслаждения, Эния – из-за нежелания больше скрывать ото всех, как сильно любит его. Потом они заснули в объятиях друг друга.

На следующее утро их разбудил стук в дверь. Когда Магнус понял, что они проспали и что его коллега стоял за дверью, было похоже, будто земля ускользает у него из-под ног.

– Мы идем! – крикнул он без раздумий.

– *Мы?* – насмешливо переспросил коллега, и Магнус похолодел.

Эния перевернулась в кровати и сонно посмотрела на него.

– Я и Пауэр Пойнт, – ответил он, смеясь.

– Конференц-зал номер пять, – пробормотал коллега из-за двери.

Только в обед Магнус впервые заглянул в свой мобильный телефон. Они с Энией уже вернулись в номер. Чувство вины разрывало его на части.

Я не хотела беспокоить тебя, но Вера вчера упала с домика на дереве и сильно ударилась. Мы провели в неотложке всю ночь. Семь швов на затылке. Сотрясение мозга. Просто подумала, что ты должен знать.

На экране высветилась фотография его храбро улыбающейся дочери с повязкой на голове.

– В чем дело? – спросила Эния, которая, должно быть, поняла по выражению его лица, что что-то случилось.

– Все в порядке.

Они снова забрались под одеяло. Так было проще всего. Притворяться, что ничего не произошло. Будто это была не его идиотская идея построить этот чертов дом на дереве на высоте нескольких метров над землей.

Внутри его все начало ломаться.

Как долго он сможет жить во лжи?
Комочки земли сыплются ему на лицо, и Магнус смахивает их рукой.
В конце концов он оказался на распутье.
Эния или его семья.

22

Когда они садятся за кухонный стол у Софии дома, Эмма замечает, что свадебные каталоги сменились брошюрами из похоронных бюро.

Достойный конец.

Незабываемая церемония прощания.

Эмме кажется, что София слишком быстро связалась с похоронным бюро, если учесть, что она узнала о смерти Петера лишь вчера. На серванте стоит подсвечник и фотография Петера в рамке. Свеча не зажжена.

– Так вы начальник Петера? – спрашивает Эмма Фредрика. Он сидит так близко к Софии, что они почти касаются друг друга.

Фредрик хмурится.

– Да. Откуда вы знаете?

– Мы искали вас, но нам сказали, что вы на больничном, – говорит Эмма. – Это так?

– Фредрик очень мне помог, – произносит София ровным голосом. – Еще до того, как Петер исчез.

Эмма начинает понимать, к чему это ведет.

– Рассказывайте.

– Я связался с Софией полгода назад, когда заметил, что Петеру становится все труднее и труднее вести новости в прямом эфире, – вставляет Фредрик. – Он не мог сосредоточиться и постоянно нервничал.

– С тех пор мы вдвоем стали командой, – говорит София. – Фредрик был рядом с Петером на работе, а я помогала ему дома.

– Он чем-то болел? – спрашивает Крилле.

София качает головой и смотрит на фотографию Петера.

– Мы точно не знаем. Его ценили как профессионала, и в его жизни совсем не было места для личных неудач. Нам казалось, что он разочаровался в себе и ему было все труднее справляться с напряжением.

Этого совсем не было заметно на экране телевизора. Петер всегда выглядел спокойным и расслабленным и умудрялся прекрасно показывать себя во всех интервью. Он был как будто создан для утренних новостей. Но, конечно, трудно понять, что происходило у него внутри и как он в действительности чувствовал себя. Все зависит от того, насколько хорошо он скрывал это.

– Вы не знаете, принимал ли Петер какие-нибудь лекарства?

София кивает:

– Да, он принимал «Атаракс» по мере необходимости, но постоянно чувствовал себя уставшим из-за этого. Еще пробовал принимать снотворные, но понял, что они вырубают его даже днем. Он говорил, что чувствует, будто находится в постоянном тумане, это очень мешало ему работать.

Успокоительные и снотворные. Жаль, что токсикологический анализ после вскрытия займет неделю, Эмма хотела бы сразу получить ответ, были ли у него какие-либо препараты в организме.

– Петер был лучшим во всем, но страдал от неуверенности в себе, – говорит Фредрик. – Мы много говорили об этом, но он не мог или не хотел рассказать мне, почему так. Наверняка на то была какая-то тайная причина, ведь со временем положение ухудшалось.

София кладет локти на стол, подпирая подбородок руками.

– После каждой передачи он был в отчаянии. Он очень переживал, что об этом узнают. Он бы скорее умер, чем признался в этом, а я не хотела вдаваться в подробности из уважения к нему.

Она запинается.

– Мы много говорили о свадьбе, – продолжает София, и голос срывается. – Я всегда мечтала о большом свадебном торжестве со всеми друзьями и родственниками, но он этого не хотел. Он сказал, что это хуже, чем сидеть в прямом эфире, что он не сможет быть самым собой в день, который должен быть самым счастливым в его жизни.

Фредрик отводит взгляд. Ему стыдно? Почему это так сильно его беспокоит?

– А теперь никакой свадьбы не будет, – говорит София. – Я не должна была давить на него.

– Кстати, о свадьбе, или, скорее, о расходах на нее, – говорит Эмма. – Петер снял четыре крупные суммы наличными в тот же день, когда исчез.

София хмурится.

– Насколько крупные?

– В общей сложности двадцать тысяч крон, – говорит Эмма. – Вы знаете, зачем ему нужно было столько денег?

– Понятия не имею, – говорит София и отковыривает воск со свечи на столе.

– Значит, это не могли быть деньги на свадьбу? – спрашивает Эмма. – Или на ремонт?

– Нет, ничего из этого мы не оплачивали наличными.

Эмма сглатывает. Она не знает, как аккуратно завести разговор на вторую тему, поговорить о причине их визита. Вопрос нельзя задать так, чтобы он не звучал обвинением.

– Мы получили информацию, что в субботу вас видели с другим мужчиной в ресторане, – говорит Эмма. – Это так?

– Да. Lilla Ego был забронирован давным-давно. Мы с Петером должны были пойти туда вместе...

– Но когда София сказала мне, что собирается отменить бронь, я убедил ее, что мы должны пойти туда вдвоем. Тогда мы не знали ничего, кроме того, что Петер куда-то уехал.

– Так это были вы?

София скованно кивает.

Эмма задается вопросом: пошла бы она сама в ресторан, если бы ее молодой человек пропал?

Фредрик продолжает объяснять:

– Я был убежден, что он бросил Софию, и был разочарован тем, что Петер просто уехал и оставил ее одну решать все вопросы. Я даже представить себе не мог, что он мертв.

– Но вы же заявили о его пропаже? – возражает Эмма и смотрит на Софию.

– Конечно, я очень беспокоилась за него, – говорит она в свою защиту. – Обычно он очень серьезно относился к своей работе.

Эмма обдумывает услышанное. Затем она вспоминает отчаянные СМС Фредрика.

Черт возьми, Петер, перестань все портить.

Не делай ничего такого, о чем потом пожалеешь.

Действительно ли Фредрик отправил их, потому что волновался?

– Вы контактировали с Петером после воскресного выпуска новостей? – спрашивает она Фредрика.

Он качает головой.

- Я пытался связаться с ним, но он не отвечал на мои сообщения.
- Что вы имели в виду, когда написали, что он не должен делать ничего такого, о чем потом пожалеет?
- Лицо Фредрика краснеет.
- Вы читали сообщения в его телефоне?
- Ответьте на мой вопрос, пожалуйста.
- Я имел в виду, что он не может просто сбежать, а потом вернуться к Софии, когда ему заблагорассудится. Нельзя и рыбку съесть, и косточкой не подавиться. Особенно когда он и так слишком много натворил.
- София прячет лицо в ладонях, но ничего не говорит.
- Эмма делает глубокий вдох.
- Вы двое встречаетесь?
- Нет, – резко говорит Фредрик, и у него начинает подергиваться одна бровь.
- София смотрит на нее.
- Что? Что вы имеете в виду?
- Не могли бы вы отчитаться о том, где вы были и с кем? С того воскресенья, когда Петер исчез, и до тех пор, пока его не нашли? – спрашивает Эмма.
- София в ужасе смотрит на нее.
- Но зачем?
- Это касается вас обоих, – решительно говорит Эмма.

23

Юсефин и Андреас сидят напротив пожилой седовласой женщины с серьезным, почти мрачным взглядом. Кабинет обставлен по-домашнему, на столе перед ними лежит расшитая цветами льняная скатерть. Юсефин пытается занять удобное положение в кресле, но ничего не выходит. Она бросает взгляд на коробку салфеток, любезно придвинутую прямо к ней.

– Юсефин, о чем вы думаете прямо сейчас? – спрашивает психолог.

С чего ей начать?

Юсефин не знает, говорят ли они с психологом ради себя или в большей степени ради Юлии. Все так запутанно. Юлия ведь не хотела умирать, правда? Юсефин просто не может с этим смириться. Ее взгляд блуждает по стене за спиной психолога и останавливается на акварельной картине с изображением лодки в море во время шторма. Очень уместно.

– Я не знаю, что я должна была сделать, чтобы предотвратить это, – отвечает она медленно. – Это худшее, что может произойти в жизни любого родителя.

– Что конкретно? – спрашивает психолог и поправляет очки, сползшие на кончик носа.

Она что, сошла с ума?

Юсефин приходится взглянуть на психолога, чтобы определить, не издевается ли она над ней, но женщина спокойно сидит и ждет ответа.

– Что ребенок хочет покончить с собой?

– Вы так это видите? – спрашивает психолог и переводит взгляд с Юсефин на Андреаса. – Что вы, как родители, потерпели неудачу?

Раздражение нарастает все сильнее, оно зудит в области груди. Бюстгальтер слишком тесен, а воздух застревает по пути в легкие. Лодка на картине качается на высоких волнах, которые вот-вот перевернут ее.

– Да, как еще на это можно смотреть? – продолжает Юсефин и изо всех сил старается говорить спокойно. – Если наш ребенок хочет умереть, это вряд ли показывает нас, как родителей, с хорошей стороны.

Психолог выглядит обеспокоенной.

– Я не знаю, утешит ли это вас, но влияние родителей на благополучие ребенка в этом возрасте не так велико. Конечно, я говорю про нормальные случаи.

О чем это она?

– Скорее самый важный фактор – это наличие друзей. Как у Юлии обстоят дела с ними? У нее насыщенная социальная жизнь?

Насыщенная социальная жизнь?

Андреас кивает.

– У Юлии никогда не было проблем с друзьями. Ее все любят.

Он так быстро отвечает на вопросы и вообще делает все, чтобы угодить окружающим. Не поэтому ли он забыл, что Лив и Юлия поссорились? Но Юсефин не должна сейчас об этом упоминать.

Что с этим может поделать психолог?

– Досуг – еще один фактор, который влияет на жизнь подростков, – объясняет психолог. – Чем Юлия занимается в свободное время? Изменилось ли что-нибудь в ее поведении?

– Мы переехали за границу, и после этого Юлия, к сожалению, бросила спорт, – говорит Андреас. – Она очень сильно отстала от своей группы по фигурному катанию и поэтому больше не захотела продолжать занятия.

– Очень жаль, – говорит психолог, делая пометку в своем блокноте.

– Переезд был нашим решением, – говорит Юсефин. – Так что все произошедшее – наша вина.

Психолог поворачивается к Андреасу.

– Что вы чувствуете, когда слышите это? Вы разделяете точку зрения Юсефин в отношении вашей роли в этой ситуации?

– Я не знаю, – говорит он и трогает пальцами потертый рукав своего свитера. – На самом деле в основном я чувствую грусть.

Грусть?

Юсефин закипает. Она ненавидит тот факт, что Андреас просто сидит и не понимает, насколько они виноваты в том, что произошло. Или он думает, что это все ее вина? Безжалостные волны на картине вспениваются. Никто в лодке не выживет, если море не успокоится, и трудно не провести параллели с ее собственной жизнью.

Ситуация безнадежна.

Психолог кивает и смотрит на Юсефин.

– А как вы описываете свои нынешние чувства?

– Я чертовски зла! – шипит она. – На Юлию, на Андреаса и на вас! – кричит она так, что Андреас подсакивает. Он кладет ладонь ей на колено.

– Но больше всего на себя, – шепчет она, и слезы текут по ее щекам. – Я должна была обо всем догадаться.

Юсефин смотрит на картину.

Лодка спокойно покачивается на волнах.

24

Крилле с Эммой выходят из только что отремонтированной квартиры Софии. Мозг Эммы кипит: София была слишком нервной, когда рассказывала им, где была. Когда, где и с кем.

Ее рассказ создавал алиби и для Фредрика.

– Они покрывают друг друга, – говорит Крилле, когда они возвращаются в полицейский участок.

– Хоть Фредрик и работает на телевидении, плохой из него актер, – отвечает Эмма. – Я полагаю, сначала он искренне беспокоился за Петера. Но потом влюбился в Софию, и, возможно, они стали ближе, когда он начал ее поддерживать. Но ведь между ними лет сто разницы!

– Шестнадцать, если быть точным, – говорит Крилле и хихикает над ней. – У нас с тобой примерно такая же разница, да? Разве было бы странно, если бы мы встречались?

Эмма не знает, что ответить, и ей приходится выглянуть из окна, чтобы вспомнить, о чем она говорила.

– Ну вот, теперь тебе нечего сказать, – говорит он удовлетворенно, притормаживая на красный свет у Слюссена – перед развороченным водопроводом, который вот-вот да рухнет.

– Может ли ревность быть мотивом? – спрашивает Эмма.

В атмосфере квартиры Софии было что-то такое, чего она никак не могла понять. До блеска убранная квартира. Свадебные каталоги, которые теперь сменились брошюрами из похоронного бюро. Близость между Фредриком и Софией.

Ее слезы были неискренними?

Эмма хочет спросить об этом у Крилле, но тот поглощен дорогой.

– Бог ты мой, этот район – сплошная катастрофа. В какой раз они уже реконструируют Слюссен?

– Я не знаю, – говорит она. – Когда становишься старше, такие вещи быстро забываются. Крилле хохочет.

– По крайней мере, слух тебя пока не подводит.

– Что-что? – шутит она. – Но если серьезно, могли София с Фредриком спланировать все и совершить убийство?

– Зачем им убивать Петера? София могла ведь просто расстаться с ним?

– Это всего лишь догадки.

– У тебя не возникает ощущения, что Петер был психом? – спрашивает Крилле. – Может, мы пока не все о нем знаем. Вероятно, поездка на юг – часть их плана побега?

– Я согласна, что это подозрительно.

– Очевидно, что они что-то скрывают, – говорит он. – Я не уверен, но мне кажется, что Фредрику было как-то не по себе. Он странно себя вел. Заметила, как он подкрался в коридоре?

Эмма пользуется случаем, чтобы позвонить Вестбергу и сообщить об их визите.

– Здравствуйте. София и Фредрик отрицали, что состоят в отношениях, но мы им не верим. Сегодня вечером они вместе улетают в Доминикану.

– Этого недостаточно, чтобы арестовать их, но, возможно, достаточно для ордера на обыск, – говорит Вестберг.

– Мы перепроверим их алиби, как только вернемся в участок, – говорит Эмма. – Жаль, что у Софии было достаточно времени, чтобы замести все следы. У нее в квартире чисто, как в операционной, плюс ДНК Петера, конечно, повсюду, это же его дом. Но поскольку он утонул, это, скорее всего, произошло в озере рядом с местом, где его нашли, а не дома в ванной.

Перед глазами проносится образ Йерки.

– Мы опросили людей по соседству, – говорит Вестберг. – Никто не видел Петера Линда. Это странно. Кто-то должен был заметить его, если он выходил на улицу перед смертью.

– И версия с Йеркой теперь кажется менее подходящей, – добавляет Эмма. – Конечно, он преследовал Петера, но ничего не указывает на то, что он был в Даларне. Вероятно, он был просто несчастным человеком, который покончил с собой.

– Результаты вскрытия уже пришли?

– Пока нет, – говорит Эмма. – Кто живет рядом с местом, где нашли тело?

– Есть там парочка интересных экземпляров – говорит Вестберг. – Рядом с озером в коттедже живут два ремесленника из Польши, на которых при разных обстоятельствах посту-

пали жалобы. Давайте начнем с этого. Я пришлю вам материалы, которые у нас есть, чтобы вы могли взглянуть.

25

Во рту пересохло, и когда Магнус пытается сглотнуть, в горле режет от жажды. Неужели ему придется пить собственную мочу? Небо сотрясается от раскатов грома, и начинается дождь. Он открывает рот и жадно ловит капли, как птенец, которого мать-птица кормит червями. Тогда ему приходит в голову, что, возможно, было бы лучше, если бы дождя не было, ведь он лишь продлевает его мучения. Никто не услышит его крика о помощи, никто не поможет ему выбраться из этой ямы.

Он умрет здесь, похороненный заживо.

Ничто не длится вечно, он это знает.

И, конечно, он понимает, что натворил. Работа, семья – да, все внезапно оказалось под угрозой. Когда Эния заговорила об их совместном будущем, Магнуса будто толкнули в грудь. До этого момента их отношения были безоблачными. Беспроblemными. Они тайно встречались, а семья ждала его дома. Он думал, что ясно дал понять: именно этого он и хотел.

Пока не понял, что Эния хотела бы иметь детей.

Эния, должно быть, заметила, что Магнус не был готов к этому разговору. Он не мог ни на что решиться, и она это понимала.

На работе никто ничего не знал. Все поклонники Энии завидовали ему, ведь он проводил с ней столько времени. Ему даже пришлось дать пару советов коллегам: как вести себя с ней, чтобы она проявила интерес.

Никто не мог пройти мимо Энии, не восхищаясь ею.

Она была невероятно самобытной.

Для всех она была мечтой.

Или, в случае Магнуса, она была его проводником в ад.

Дождь усиливается, и Магнус отворачивает лицо, чтобы защитить глаза.

Впервые он признается себе, что, наверное, впал в депрессию. Он никогда не говорил об этом открыто, но теперь, когда добровольно загнал себя в гребаную могилу, видит: все симптомы налицо.

Даже несмотря на то, что у него была мысль о депрессии, он отбрасывал ее. Невозможно представить себе больший провал. Больший стыд. Люди, которые вынуждены ходить к психологу, – настоящие слабаки. Магнус вырос с мыслью о том, что со всем нужно справляться самому, собирать себя по кусочкам самостоятельно. А не сидеть на кушетке и отваливать хрену тучу денег за то, чтобы кто-то посмотрел, как ты плачешь.

С кем бы он мог поговорить?

Вряд ли стал бы изливать душу брату, тот бы его не пожалел.

С Викан тоже бы не вышло. Она перенесла две операции по удалению опухоли и ни слова не сказала ему об этом. Ни разу не пожаловалась. А он предал ее. Черт возьми, это она должна была впасть в депрессию, а не он. У нее было на это полное право.

Тем не менее чертова депрессия проросла внутри его.

Может, не так уж это удивительно, учитывая произошедшее. Все было опьяняюще прекрасно.

Пока Эния не предала его.

В то время, как Крилле в офисе проверяет алиби Фредрика, Эмма дожидается звонка от подруги Софии. Она последняя в списке. Эмма вновь пытается отрегулировать офисное кресло, но, как бы она ни пыталась, удобнее ей не становится. Это со стулом что-то не так или все-таки с ней самой? Она продолжает смотреть на телефон и понимает, что эта девушка не собирается связываться с ней в ближайшее время. Скорее всего, она сперва хочет созвониться с Софией, чтобы уточнить, что именно можно рассказывать полиции.

Вместо нее Эмме звонит судмедэксперт, у которого есть предварительное заключение о причине смерти Йерки Янссона.

– Привет, Эмма, я только закончил с обследованием этого твоего самоубийцы. Причина смерти заключается в том, что у него отказали большая часть мозга и крупные кровеносные сосуды, которые снабжают мозг кровью. В том, что касается времени смерти, я почти уверен, что она наступила неделю назад – это понятно по характеру трупного окоченения. Я скину всю нужную информацию по электронной почте.

На почтовый ящик Эммы приходит уведомление, она внимательно изучает отчет и пересылает его Крилле и Вестбергу. Йерка не мог убить Петера, и с этого момента они могут исключить его из круга подозреваемых.

Эмма покачивает головой и снова пытается дозвониться до подруги Софии, но ей все равно никто не отвечает. В то же время она гуглит информацию о заповеднике Даммшен – месте, где нашли тело Петера.

К северу от Сетера.

Гугл выдает ей картинки небольшого озера, неплохого пляжа и красивых закатов. Она читает, что длина береговой линии составляет чуть более полутора километров, а средняя глубина водоема – от трех до четырех метров. Само озеро черное как смоль, хотя аэрофото было сделано в солнечный день. Эмме также удастся рассмотреть, что вокруг озера нет никаких зданий – одни лишь леса и поля. До этого момента у нее не было времени ознакомиться с самим местом преступления, так как все ее внимание было сфокусировано на том, что происходило в городе. Даларна и Стокгольм, конечно, сильно различаются, но она все время умудряется находить что-то новенькое.

В ходе расследования стремись поддерживать поступательное движение. Следуй по самым извилистым объездным путям, чтобы прийти к цели. Лучшие полицейские никогда не избирают кратчайший путь.

Когда отец Эммы Эверт уже смирился с фактом того, что его дочь тоже хочет стать полицейским, он смягчился и начал давать ей советы. Несмотря на то что она ненавидит все эти инструкции и руководства, этот проклятый голос раздается внутри каждый раз, когда она откидывается в своем офисном кресле. К счастью, ей не придется сидеть особо долго, и удобно ей уж точно не станет. Эмма бегло просматривает список совпадений по запросу «заповедник Даммшен», и ее взгляд останавливается на заголовке из местной газеты:

У озера найден труп женщины.

Эмма переходит по ссылке и читает новость с учащающимся пульсом.

В субботу 25 мая под обрывом недалеко от Даммшена был найден труп женщины. Подозреваемых в совершении преступления нет. Близкие родственники уведомлены о случившемся. Тело было найдено мужчиной, гуляющим со своей собакой по лесу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.